

СВОБОДНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ДЛЯ РОССИИ:

За 1 номеръ. 60 коп.
За 6 номеровъ. 3 руб.
За 12 номеровъ. 6 руб.
СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Бывшее: „СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ“.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Подъ редакціей В. Черткова.

PRIX D'ABONNEMENT:

Un numéros 1 fr. 10 d. 85 pf.
6 numéros 5 fr. 4 sh. Mk. 4,25.
12 numéros 10 fr. 8 sh. Mk. 8,50.

PORTO — FRANCO.

(Excepté la Russie).

Адресъ редакціи и издательства: А. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England.

СОДЕРЖАНІЕ: Письмо Л. Н. Толстого къ министрамъ (1). — Замятка отъ Редакціи, В. Ч. (5). — Два письма Л. Н. Толстого: Къ православному священнику и французскому пастору (5). — Мысли о революціи В. Черткова (9). — Студенческія волненія въ Россіи, С. (11). — Побѣдоносцевъ какъ отрицатель самодержавія, В. Ч. (13). — Отказы отъ военной службы во Франціи, А. Ч. (15). — Вѣсти изъ Финляндіи (18). — О монастыряхъ Изъ Пошехонскаго уѣзда (19). — Добавочныя свѣдѣнія о разгромѣ церкви крестьянами села Павловокъ: Четыре письма (21). — Свѣдѣнія о Л. Н. Толстомъ и выдержки изъ его писемъ, В. Чертковъ (24). — Письмо духобора изъ Канады (26). — Последнія извѣстія: Побѣще въ г. Екатеринбургъ (28). — По поводу брошюры: 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Изъ письма Л. А. Волкенштейнъ (28). — Библиографическая замятка (29). — Заявленіе отъ Редакціи (31). — Почтовый ящикъ (31). — Заявленіе отъ Издательства (32). — Объявленіе. — Въ этомъ номерѣ 2 печ. листа (32 столбца). При этомъ номерѣ разсылаются Приложеніе: Обращеніе отъ издательства по поводу *Полнаго Собранія Сочиненій Л. Н. Толстого* и по поводу *Архива Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго Сектанства*.

Письмо Л. Н. Толстого къ министрамъ:

Внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи.

(Написано въ 1896 году).

Милостивый Государь ***

Обращаюсь къ Вамъ, какъ человѣкъ къ человѣку, съ чувствомъ уваженія и доброжелательства, съ которыми прошу и Васъ отнестись къ моему письму. Только при искренности этихъ чувствъ возможно пониманіе и соглашеніе.

Дѣло касается тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергаются со стороны чиновъ Вашего министерства лица, имѣющія мои запрещенныя въ Россіи сочиненія и дающія ихъ читать тѣмъ, которые ихъ объ этомъ просятъ. Такимъ преслѣдованіемъ, сколько мнѣ извѣстно, подвергалось много различныхъ лицъ. Одинъ же изъ послѣднихъ случаевъ былъ съ женщиной-врачемъ Н. въ Тулѣ, обысканной, посаженной въ острогъ и теперь допрашиваемой слѣдователемъ по обвиненію въ распространеніи моихъ сочиненій.

Этотъ случай съ г-жей Н., женщиной уже не молодой, слабой здоровіемъ, чрезвычайно нервной и въ высшей степени почтенной по своимъ душевнымъ качествамъ, заслужившимъ ей всеобщую любовь всѣхъ, знающихъ ее, особенно поразителенъ.

Поводомъ къ этому, сколько мнѣ извѣстно, послужило слѣдующее: г-жа Н. близко знакома мнѣ и дружна съ моими дочерьми. Одинъ тульскій рабочій нѣсколько разъ писалъ мнѣ, прося дать ему для прочтенія мое сочиненіе „Въ чемъ моя вина?“. Не имѣя подъ рукой свободнаго экземпляра и не зная этого человѣка, я нѣсколько писемъ его оставилъ безъ отвѣта. Нынѣшней же зимой, получивъ вновь письмо съ тою же просьбой, я передалъ его дочери моей, прося ее, если у насъ есть та книга, о которой онъ просилъ, послать ее ему. Дочь моя, не имѣя свободнаго экземпляра, но помня, что въ томъ же городѣ Тулѣ, откуда писалъ проситель,

живетъ г-жа Н., имѣющая нѣкоторыя изъ моихъ запрещенныхъ сочиненій, послала просителю свою карточку съ просьбой дать подателю ея то, что у нея найдется. Это обращеніе моей дочери къ г-жѣ Н. и послужило поводомъ къ ея аресту и всѣмъ тѣмъ истязаніямъ, которымъ ее подвергали.

Я думаю, что такого рода мѣры неразумны, бесполезны, жестоки и, главнымъ образомъ, несправедливы. Неразумны онѣ потому, что нѣтъ и не можетъ быть никакого объясненія, почему изъ тѣхъ тысячъ людей, которые имѣютъ мои сочиненія и даютъ ихъ читать своимъ знакомымъ, выбрана для преслѣдованія одна г-жа Н. Безполезны эти мѣры потому, что онѣ не достигаютъ никакой цѣли: преслѣденія эти мѣры не достигаютъ потому, что то зло, которое предполагается прекратить, продолжаетъ существовать среди тысячъ людей, которыхъ нѣтъ возможности всѣхъ арестовать и держать въ тюрьмахъ. Жестоки же эти мѣры потому, что для многихъ людей слабыхъ и нервныхъ, какова г-жа Н., обыски, допросы и въ особенности заключеніе въ тюрьму могутъ быть причинами тяжелыхъ нервныхъ болѣзней, какъ это и было съ г-жей Н., и даже смерти. Главное же — мѣры эти въ высшей степени несправедливы потому, что онѣ не направляются на то лицо, отъ котораго исходитъ то, что считается правительствомъ зломъ.

Такое лицо въ данномъ случаѣ я: я пишу тѣ книги и письменно и словеснымъ общеніемъ распространяю тѣ мысли, которыя правительство считаетъ зломъ, и потому, если правительство хочетъ противодействовать распространенію этого зла, то оно должно обратить на меня всѣ употребляемыя имъ теперь мѣры противъ случайно попадающихся подъ его дѣйствіе лицъ, виновныхъ только въ томъ, что они имѣютъ интересующія ихъ запрещенныя книги и даютъ ихъ для прочтенія своимъ знакомымъ. Правительство должно поступить такъ еще и потому, что я не только не скрываю этой своей дѣятельности, но, напротивъ, прямо этимъ самымъ

письмомъ заявляю, что я писалъ и распространялъ тѣ книги, которыя считаются правительствомъ вредными, и теперь продолжаю писать и распространять и въ книгахъ, и въ письмахъ, и въ бесѣдахъ такія же мысли, какъ и тѣ, которыя выражены въ книгахъ.

Сущность этихъ мыслей та, что людямъ открытъ несомнѣнный законъ Бога, стоящій выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, по которому мы всѣ должны не враждовать, не насиловать другъ друга, а, напротивъ, помогать, — должны поступать съ другими такъ же, какъ бы хотѣли, чтобы другіе поступали съ нами.

Эти то мысли, съ вытекающими изъ нихъ практическими выводами, я и выражалъ, какъ умѣлъ, въ своихъ книгахъ и стараюсь еще яснѣе и доступнѣе выразить въ книгѣ, которую пишу теперь. Эти же мысли я высказываю въ бесѣдахъ и въ письмахъ, которыя я пишу знакомымъ и незнакомымъ людямъ. Эти самыя мысли я выражаю теперь и Вамъ, указывая на тѣ, противныя закону Бога, жестокости и насилія, которыя совершаются чинами Вашего министерства.

Сказанныя Гамалииломъ слова о распространеніи христіанскаго ученія, что „если дѣло это отъ чело-вѣковъ, то оно разрушится, а если оно отъ Бога, то не можете разрушить его; берегитесь поэтому, чтобы вамъ не оказаться богопротивниками“, — остаются всегда урокомъ истинной правительственной мудрости въ ея отношеніяхъ къ проявленію духовной дѣятельности людей. Если дѣятельность эта ложная, она падетъ сама собою, если же дѣятельность эта имѣетъ своимъ содержаніемъ дѣло Божіе, каково то дѣло Божіе нашего времени — замѣны принципа насилія принципомъ разумной любви, — то никакія внѣшнія усилія не могутъ ни ускорить, ни задержать совершенія его. Если правительство допустить безпрепятственное распространеніе этихъ мыслей, онѣ будутъ распространяться медленно и равномерно; если правительство будетъ подвергать, какъ оно дѣлаетъ теперь, преслѣдованіямъ людей, усвоившихъ эти мысли и передающихъ ихъ другимъ, распространеніе этихъ мыслей ровно настолько уменьшится въ средѣ людей робкихъ, слабыхъ и неопредѣлившихся, насколько оно усилится въ средѣ людей сильныхъ, энергичныхъ и убѣжденныхъ. И потому процессъ распространенія истины не остановится, и не задержится, и не ускорится, какъ бы ни поступало правительство.

Таковъ по моему мнѣнію общій и неизмѣнный законъ распространенія истины, и потому самое мудрое, что можетъ дѣлать правительство по отношенію проявленія нежелательныхъ для него идей, состоитъ въ томъ, чтобы ничего не предпринимать, а тѣмъ болѣе не употреблять такихъ недостойныхъ, жестокихъ и явно несправедливыхъ мѣръ, какъ изтязаніе невинныхъ людей только за то, что они дѣлаютъ то самое, что дѣлаютъ и дѣлали десятки тысячъ другихъ людей, никѣмъ за это не преслѣдуемыхъ.

Если же правительство хочетъ непременно не бездѣйствовать, а наказывать, угрожать и пресѣкать то, что оно считаетъ зломъ, то наименѣе неразумное и наименѣе несправедливое, что оно можетъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы всѣ мѣры наказанія, устрашенія или пресѣченія зла направить противъ того, что считается правительствомъ источникомъ его, т. е. противъ меня, тѣмъ болѣе, что я заявляю впередъ, что буду, не переставая, до своей смерти дѣлать то, что правительство считаетъ зломъ, а что я считаю своей священной передъ Богомъ обязанностью.

И не думайте, пожалуйста, чтобы я, прося обратить противъ себя мѣры насилія, употребляемая противъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, предполагалъ, что употребленіе такихъ мѣръ противъ меня представляетъ какое-либо затрудненіе для правительства, — что моя популярность и мое общественное положеніе ограждаютъ меня отъ обысковъ, допросовъ, высылковъ, заключенія и другихъ худшихъ насилій. Я не только не думаю этого, но убѣжденъ, что, если правительство поступитъ рѣшительно противъ меня, сошлетъ, посадить въ тюрьму или приложить еще болѣе сильныя мѣры, то это не представитъ никакихъ особенныхъ затрудненій, и общественное мнѣніе не только не возмутится этимъ, но большинство людей вполне одобритъ такой образъ дѣйствія и скажетъ, что давно уже пора было это сдѣлать.*)

Богъ видитъ, что, пиша это письмо, я не подчиняюсь желанію бравировать власть или какъ-нибудь выказаться, а вызванъ къ этому нравственной потребностью, состоящею въ томъ, чтобы снять съ невинныхъ людей отвѣтственность за поступки, совершаемые мною, а, главное, — указать правительственнымъ лицамъ, и Вамъ въ томъ числѣ, на жестокость, неразумность и несправедливость употребляемыхъ мѣръ, и просить Васъ, по мѣрѣ возможности, прекратить ихъ и освободить себя отъ нравственной за нихъ отвѣтственности.

Очень буду благодаренъ, если Вы отвѣтите мнѣ простымъ неофициальнымъ письмомъ о томъ, что Вы думаете о высказанномъ мною, и о томъ, исполните ли мою просьбу перенести на будущее время всѣ преслѣдованія, если они уже считаются необходимыми, на меня — главное лицо, съ точки зрѣнія правительства — заслуживающаго ихъ.

Съ чувствомъ истиннаго доброжелательства остаюсь уважающимъ Васъ

Левъ Толстой.

Москва, 20 апрѣля 1896 г.

*) При свойственной Льву Николаевичу личной скромности и отсутствіи въ то время случая для внѣшняго проявленія общественнаго сочувствія ему, — вполне понятно, что онъ могъ такъ думать, когда писалъ это письмо нѣсколько лѣтъ назадъ. Но съ тѣхъ поръ русское общество неоднократно такъ рѣшительно и единодушно выражало свою исключительную любовь и уваженіе къ нему, что на этотъ счетъ со стороны всѣхъ здравомыслящихъ русскихъ людей уже не можетъ быть двухъ мнѣній.

Замѣтка отъ Редакціи.

Считаемъ необходимымъ заявить, что приведенное нами письмо Л. Н. Толстого къ министрамъ, написанное еще въ 1896 году, и списокъ съ котораго хранился въ нашемъ архивѣ неизданныхъ его писаній, — мы теперь рѣшились опубликовать единственно по нашей собственной инициативѣ. Сдѣлать это мы сочли своевременнымъ именно въ настоящую минуту въ виду, между прочимъ, того обстоятельства, что русскія правительственныя и церковныя власти недавно окончательнo запретили печатать въ Россіи что-либо правдивое и сочувственное про Л. Н. Толстого и стали подвергать газеты наказаніямъ даже за сообщенія о состояніи его здоровья и о внѣшней обстановкѣ его жизни; между тѣмъ какъ, съ другой стороны, они поощряютъ, — въ особенности въ своихъ реакціонныхъ и „духовныхъ“ изданіяхъ, — всякія злостныя извращенія его взглядовъ и клеветы противъ него самого, въ родѣ, напримѣръ, обвиненія его въ двуличіи и т. п. Для тѣхъ, кто незнакомъ съ истинными обстоятельствами личной жизни Л. Н. Толстого, вышеприведенное письмо его къ представителямъ государственной власти можетъ послужить неопровержимымъ доказательствомъ того, насколько его поступки дѣйствительно согласуются съ его словами; ибо такое письмо, написанное при современныхъ условіяхъ русской жизни, — представляетъ уже не литературное произведеніе, а именно *поступокъ*. И намъ кажется, что желаніе опровергнуть наглую клевету о дорогомъ всему міру чловѣкѣ, не могущемъ, да и не желающемъ защищать самого себя, можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ для преданія гласности этого письма, несмотря на то, что самимъ авторомъ оно вовсе и не предназначалось для распространенія.

На письмо это, какъ и можно было ожидать, отвѣта не восплѣдовало. Слышно было, что одинъ изъ получившихъ его министровъ считалъ невозможнымъ, послѣ такого прямого вызова, оставить Л. Н. Толстого на свободѣ; между тѣмъ какъ другой полагалъ неудобнымъ трогать его самого и совѣтовала подвергнуть преслѣдованію его единомышленниковъ въ виду того, что это послужило бы для него самымъ чувствительнымъ наказаніемъ. Какъ бы то ни было, но извѣстно, что правительство прибѣгло къ этому послѣднему приему.

В. Ч.

1 января 1902 г.

Два письма Л. Н. Толстого.

1.

Къ православному священнику.

Любезный братъ ***, сожалью, что не знаю отчества. Письмо ваше доставило мнѣ большое удовольствіе. Вы — четвертый священникъ, въ которомъ я встрѣчаю полное согласіе — не съ моими взглядами, а съ сущностью ученія Христа, которое въ настоящемъ его значеніи доступно младенцамъ и не можетъ вызывать разногласія. И это мнѣ очень радостно.

Одно въ вашемъ письмѣ немного смутило меня. Это ваше упоминаніе о метафизикѣ и церковности. Боюсь, что у васъ составила своя метафизика или вы держитесь церковной метафизики, которая

даетъ вамъ возможность съ вашими взглядами оставаться священникомъ. По тому, что вы служите 10 лѣтъ, я заключаю, что вы еще молодой чловѣкъ и годитесь мнѣ въ сыновья, если не въ внуки, и потому я позволю себѣ дать вамъ непрошенный совѣтъ о томъ, какъ по моему мнѣнію долженъ поступать священникъ, освободившійся отъ суевѣрія и понявшій ученіе Христа въ его настоящемъ значеніи и желающій слѣдовать ему. Часто, находясь въ положеніи несоединимомъ съ слѣдованіемъ ученію Христа, — каково положеніе военнаго и священника, — люди придумываютъ или усваиваютъ себѣ, какую нибудь сложную, запутанную систему метафизики, которая должна оправдать ихъ положеніе. Вотъ отъ этого соблазна я бы хотѣлъ предостеречь васъ. Для христіанина нѣтъ и не можетъ быть никакой сложной метафизики. Все, что можно назвать метафизикой въ христіанскомъ ученіи, состоитъ въ простомъ, понятномъ всѣмъ положеніи, что всѣ люди — сыны Бога, братья и потому должны любить и отца, и братьевъ и, вслѣдствіе этого, поступать съ другими такъ же какъ желаешь, чтобы поступали съ тобой. Я думаю, что всякая метафизика сверхъ этого — отъ лукаваго и придумана только затѣмъ, чтобы примирить свое — непримиримое съ христіанскимъ ученіемъ — положеніе. Есть еще священники — я знаю такихъ, — которые, чувствуя несомѣстимость своего положенія съ чистымъ пониманіемъ христіанства, думаютъ оправдаться тѣмъ, что въ ихъ положеніи они легче могутъ бороться съ суевѣріями и распространять христіанскую истину. Полагаю и такое положеніе еще болѣе неправильнымъ. Въ религіозномъ дѣлѣ цѣль не можетъ оправдывать средства уже потому, что средства отступленія отъ истины уничтожаютъ всякую возможность достиженія цѣли, состоящей въ наученіи истины. Главное же то, что ни одинъ чловѣкъ не призванъ къ тому, чтобы поучать другихъ, (Мѣ. XXIII, 8, 9)* — а только къ тому, чтобы самому совершенствоваться въ истинѣ и любви. И только черезъ это совершенствованіе себя (безъ всякой мысли о другихъ) можетъ чловѣкъ дѣйствовать на другихъ.

Простите, что возражаю вамъ на то, чего вы не говорили и можетъ быть и не думаете, но получивъ сильное и радостное впечатлѣніе отъ вашего письма, мнѣ захотѣлось высказать все, что я думалъ о трагическомъ положеніи священника, познавшаго истину и о наилучшемъ выходѣ изъ этого положенія и объ опасностяхъ этого положенія.

Лучшій выходъ изъ этого положенія, — героической выходъ — по моему тотъ, чтобы священникъ, собравъ своихъ прихожанъ, вышелъ къ нимъ на амвонъ и, вмѣсто службы и поклоновъ иконамъ, поклонился бы до земли народу, прося прощенія у

*) Мѣ. XXIII, 8. „А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ Учитель, Христосъ; всѣ же вы братья.“

9. „Отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ: ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ.“

него за то, что вводилъ его въ заблужденіе. Второй выходъ тотъ, который избралъ, лѣтъ 10 тому назадъ, замѣчательный человѣкъ, покойникъ, знакомый мнѣ изъ Вятской семинаріи священникъ Апполовъ, служившій въ Ставропольской епархіи. Онъ заявилъ архіерею, что не можетъ, по измѣнившимся взглядамъ, продолжать священствованіе. Его вызвали въ Ставрополь, и начальство и семейные такъ мучили его, что онъ согласился вернуться на свое мѣсто. Но, пробывъ меньше года, не выдержалъ и опять отказался, и разтрился. Жена оставила его. Всѣ эти страданія такъ повліяли на него, что онъ умеръ, какъ святой, не измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ и, главное — любви.

Это второй выходъ; но я знаю, какъ онъ страшно труденъ — въ виду семейныхъ отношеній всякаго священника и окружающей его среды, — и потому я вполне понимаю и никакъ не осуждаю священника, который по слабости остался священникомъ, несмотря на то, что не вѣритъ въ то, что дѣлаетъ. Одно, что я говорю и позволяю себѣ совѣтовать (совершенно то же совѣтую людямъ, христіанамъ, отъ которыхъ требуютъ солдатской службы) — это то, чтобы не употреблять свой разумъ на ухищренія, посредствомъ которыхъ представлялось бы, что поступаю дурно, — я поступаю хорошо. Только бы человѣкъ держалъ передъ собой истину во всей ея чистотѣ, не кривилъ бы душой, и онъ найдетъ средство, поступить наилучшимъ, смотря по своимъ силамъ, образомъ. Священникъ, понимающій истинно христіанское ученіе, долженъ по моему мнѣнію, какъ и всякій христіанинъ, дѣлать первое — стремиться познать истину во всей ея чистотѣ и полнотѣ — независимо отъ своего положенія, и второе, по мѣрѣ силъ измѣнять свое положеніе, приближая его къ познанной истинѣ. (Приближеніе это дѣлается само собой, если человѣкъ искрененъ). Насколько же человѣкъ приблизится (священнику это очень трудно, такъ какъ его положеніе не только далеко, но противоположно, враждебно истинѣ), настолько и какъ онъ приблизится — это дѣло его съ Богомъ, о которомъ посторонніе судить не могутъ.

Братски привѣтствую васъ.

Любящій васъ братъ

Левъ Толстой.

15 августа 1901 г.

2.

Къ французскому пастору).*

М. Г.

Я получилъ ваше письмо и благодарю васъ за чувства, которыя вы мнѣ выражаете. Очень благодаренъ вамъ также за выдержки изъ Огюста Сабатье.**) Я очень жалѣю, что только по имени и

*) Переводъ съ французскаго оригинала А. Ч.

***) Извѣстный писатель — авторъ біографіи св. Франциска Ассизскаго. *Ред.*

по отзывамаъ знакомъ съ этимъ выдающимся человекомъ. Выдержки приводимыя вами о его способѣ пониманія христіанства доказываютъ мнѣ, что я могъ бы быть съ нимъ въ полномъ общеніи мыслей и чувствъ, такъ же какъ и съ вами и всѣми тѣми, которые раздѣляютъ его пониманіе. —

Есть, тѣмъ не менѣе одинъ пунктъ, въ которомъ я не схожусь съ вами: это съ вашимъ представленіемъ о необходимости церкви, и — потому пасторовъ (священниковъ), т. е, лицъ, облеченныхъ извѣстной властью, (авторитетомъ). Я не могу забыть 8 и 9 стиховъ изъ XXIII гл. Мѡ. — не потому, что это стихи изъ евангелія, но потому, что для меня — совершенно очевидная истина, что не можетъ быть пасторовъ, учителей, руководителей между христіанами, и что именно это нарушеніе евангельскаго закона до настоящаго времени свело почти къ нулю проповѣдь истиннаго христіанскаго ученія.

По моему главнѣйшій смыслъ христіанскаго ученія есть возстановленіе прямого общенія между Богомъ и человекомъ. Всякій человѣкъ который беретъ на себя роль посредника въ этомъ общеніи мѣшаетъ тому, къ кому онъ хочетъ руководить, войти въ прямое общеніе съ Богомъ и, — что еще хуже, — самъ совершенно удаляется отъ возможности жить по христіански. По моему, — верхъ гордости, грѣхъ, болѣе всего отдаляющій отъ Бога, это — сказать себѣ, что я въ состояніи помогать другимъ жить хорошо и спасать ихъ души. Все, что можетъ сдѣлать человѣкъ, старающійся слѣдовать христіанскому ученію, — это стараться совершенствоваться сколько только возможно (Мѡ. v. 48),*) употреблять на это самосовершенствованіе всѣ свои силы, всю свою энергію. Это единственный способъ воздѣйствія на своихъ ближнихъ и помощи имъ на пути добра. — Если существуетъ церковь — то никому не дано знать ея предѣловъ и никто не можетъ знать, принадлежитъ ли онъ къ пей или нѣтъ? Все, что человѣкъ можетъ желать и на что надѣяться, — это стремиться стать частью ея, но никто не можетъ быть увѣренъ, что онъ сталъ таковымъ на самомъ дѣлѣ, и еще менѣе того предполагать, что онъ имѣетъ право и возможность руководить другими. Прошу васъ, Милостивый Государь, извинить меня за откровенность, съ которой я излагаю мое мнѣніе противное вашему, и вѣрить чувствамъ симпатіи и уваженія, съ которыми я остаюсь готовый къ услугамъ.

Левъ Толстой.

26 августа 1901 года. с. с.

Ясная Поляна.

*) Мѡ. V, 48. „И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.“ *Ред.*

Мысли о революціи.

Владимира Черткова.

I.

Обстоятельства, которыя доводят современнаго молодого человѣка до положенія такъ называемаго „революціонера“, настолько характерны, что, какъ мнѣ кажется, не трудно въ общихъ чертахъ опредѣлить обычный путь этого процесса; тѣмъ болѣе что такому человѣку, разъ получившему первый толчекъ, приходится катиться, какъ бы по наклонной плоскости, все въ одномъ и томъ же опредѣленномъ и неизбѣжномъ направленіи.

Юноша съ пробудившимся сознаніемъ, — подъ вліяніемъ ли товарищей или литературы, путемъ ли личнаго опыта или наблюденія, — начинаетъ видѣть зло и ложь, которыми проникнуты взаимныя отношенія между людьми. Несправедливость и жестокость существующихъ общественныхъ условій становятся для него очевидными, и онъ проникается сочувствіемъ къ угнетеннымъ и возмущеніемъ противъ всего того, что содѣйствуетъ этому угнетенію. Со свойственными его возрасту отзывчивостью, искренностью и увлеченіемъ онъ, сначала обыкновенно въ легальной формѣ, бросается въ дѣятельность, получившую у насъ названіе „культурной борьбы“ и состоящую въ развитіи въ себѣ и распространеніи вокругъ себя возможно болѣе сознательныхъ, разумныхъ отношеній къ вопросамъ жизни. Вступивъ на этотъ путь, онъ очень скоро убѣждается въ томъ, что подобная дѣятельность является опаснѣйшимъ преступленіемъ въ глазахъ правительства, основаннаго на власти тѣмъ и считающаго нужнымъ всячески препятствовать его благимъ стремленіямъ, а въ случаѣ его упорства, подвергать его самого всевозможнымъ преслѣдованіямъ. Если молодой человѣкъ наделенъ достаточной индивидуальностью и силой характера, то такое обращеніе съ нимъ естественно вызываетъ въ немъ протестъ и отпоръ, наталкивая его на единственный оставшійся передъ нимъ путь „нелегальной“ борьбы съ правительствомъ, становящейся тѣмъ напряженнѣе и упорнѣе, чѣмъ сильнѣе встрѣчаемое обратное давленіе. Затѣмъ уже всѣ условія его жизни, отъ самыхъ крупныхъ до мельчайшихъ, какъ бы нарочно складываются такъ, чтобы завлекать его все дальше и дальше по революціонному пути, не давая ему времени ни оглянуться, ни опомниться. Всѣ получаемыя имъ впечатлѣнія, всѣ вліянія, которымъ онъ подвергается, — дѣйствуютъ въ этомъ одномъ направленіи. Примѣръ передовыхъ вожаковъ, страданія и гибель любимыхъ товарищей, дружба съ ними, влюбленіе въ ихъ средѣ, непрерывно возобновляющіяся правительственныя безобразія и жестокости, привлекательность животрепещущей конспиративной дѣятельности, потребность отличиться и заслужить уваженіе своего кружка, нежеланіе показаться въ глазахъ товарищей измѣнникомъ общему дѣлу, боязнь сознаться самому себѣ въ ошибочности безвозвратно потраченныхъ усилій, — все, рѣшительно все толкаетъ человѣка въ одну и ту же сторону, постепенно превращая его въ знакомаго всѣмъ, стереотипнаго революціонера - фанатика, сводящаго весь смыслъ жизни къ борьбѣ съ существующимъ государственнымъ строемъ, только этимъ интересующагося и этому одному посвящающаго всѣ свои силы.

Таковъ въ общихъ чертахъ путь образованія большинства революціонеровъ нашего времени. Нѣкоторые изъ нихъ, конечно, приходятъ къ тому же результату путемъ нѣсколько другого сдѣлания обстоятельствъ, у другихъ самый результатъ до из-

вѣстной степени умѣряется какими нибудь посторонними условіями. Такъ напр., есть люди, ставшіе революціонерами потому, что, — выбравшись величайшими усиліями изъ подъ того душевнаго и матерьяльнаго гнета, подъ которымъ прозябаютъ угнетенныя массы, — они прониклись возмущеніемъ противъ вопіющей классовой несправедливости, доставляющей столько излишества однимъ цѣною лишенія другихъ самого необходимаго. Есть также люди, съ дѣтства воспитанные въ революціонныхъ понятіяхъ своими родителями или руководителями. Есть, наоборотъ, и такіе, которыхъ вогнало въ революціонныя идеи опротивѣвшее имъ фанатично-консервативное воспитаніе.

Но каковы бы ни были условія жизни, доведшія людей до положенія революціонеровъ, — въ ходѣ развитія ихъ внутренняго сознанія существуетъ одно общее имъ всѣмъ, преобладающее и въ высшей степени существенное свойство. Заключается это свойство въ томъ, что, несмотря на извѣстное пробужденіе сознанія въ человѣкѣ и на нѣкоторое его критическое отношеніе къ господствующему положенію вещей, — въ основѣ его дальнѣйшаго пониманія жизни, благодаря неблагоприятному сочетанію обстоятельствъ, остаются, незамѣтно для него самого, все тѣ же самыя, внушенныя воспитаніемъ исходныя понятія, на которыхъ зиждется и враждебный ему общественный строй.

Происходитъ это отъ того, что внѣшнія, отрицательныя стороны современной жизни раскрываются передъ такимъ человѣкомъ раньше, чѣмъ для него настала пора самостоятельной провѣрки первоначально ему привитыхъ и усвоившихъ пропитать все его душевное существо основныхъ понятій и взглядовъ. Затѣмъ, онъ съ мѣста вовлекается въ кипучую, всепоглощающую революціонную дѣятельность, требующую отъ него всѣхъ его силъ, всего его вниманія безъ остатка; вслѣдствіе чего его истинное душевное развитіе, уровень его сознанія по отношенію къ пониманію внутренняго, основнаго смысла жизни застываетъ все на томъ же самомъ первоначально установленномъ воспитаніемъ уровнѣ.

Если такому человѣку и удастся избавиться отъ нѣкоторыхъ внушенныхъ ему съ дѣтства, самыхъ грубыхъ заблужденій, — въ родѣ, напр., церковнаго суевѣрія или классовыхъ предрасудковъ, — то заблужденія эти все же не представляютъ самого кореннаго основанія господствующаго зла, а являются только одними изъ послѣдствій этого основнаго, ложнаго жизнепониманія, остающагося непоколебленнымъ въ сознаніи такого человѣка. А потому у него изъ стараго ошибочнаго корня тотчасъ же вырастаютъ новыя ошибочныя понятія, отличающіяся отъ первоначальныхъ лишь кажущееся внѣшнею противоположностью, но въ дѣйствительности однородныя съ ними по существу. Для того, чтобы провѣрить самыя основы своего отношенія къ жизни, необходимо подвергнуть полной разборкѣ и строжайшему анализу весь склад своихъ мыслей, рѣшительно все сочетаніе своихъ мнѣній, взглядовъ и убѣжденій, незамѣтно сложившееся съ дѣтскаго возраста. Осуществить же эту необходимую, но мучительную и кропотливую работу молодежь наша не успѣваетъ, потому что это требуетъ времени и спокойствія, и главное — свободы отъ слишкомъ рѣзкихъ и одностороннихъ, поглощающихъ внѣшнихъ впечатлѣній, отвлекающихъ мысли въ то или другое узкое направленіе. Современныя юноши изъ интеллигентной среды чуть ли не съ гимназической скамьи втягиваются въ самое дѣятельное участіе въ общественной и политической жизни и этимъ лишаются необходимѣйшихъ условій для сосредоточенной выработки себѣ своего собственнаго, самостоятельнаго пониманія смысла жизни.

Отъ этого то и происходитъ то поразительное сходство

между правительственной и революционной деятельностью, которое так бросается в глаза всякому внимательному наблюдателю. Обе деятельности являются как бы двумя видами одной и той же ошибки, направленными во взаимно противоположные стороны, при чем правительственное начало служит молотом, а революционное — наковальней; и куют они вместе озлобление и зло.

Питаюсь, таким образом, преобразовать внешние условия жизни, при сохранении того самого основного понимания жизни, которое вызывает эти условия, революционеры нашего времени воображают, что возможно, раздвигая по существу одно и то же мировоззрение и употребляя одни и те же средства, достичь совершенно противоположных результатов. Радикальная перемена в условиях общественной жизни и исчезновение того зла, от которого теперь страдают человеческие общества, — могут произойти только как последствие предварительного полного переворота в человеческом сознании, — замены прежнего понимания жизни новым, совершенно иным; а никак не от простого применения в обратную сторону тех же самых ложных понятий и приемов, того же материалистического идеала, той же силы кулака, которые вызвали и поддерживают существующую неурядицу.

Ошибка революционеров не в том, что они революционеры, а в том, что они недостаточно революционеры.

Для того, чтобы не быть голословным, постараюсь точнее обосновать мое утверждение.

(Продолжение следует.)

Студенческие волнения в России.

Студенческие волнения, разразившиеся с такой силой в прошлом учебном году, продолжают и в нынешнем. Каждый номер нелегальных периодических изданий, почти каждое письмо из России приносят известия о сходках, демонстрациях, арестах. За неимением места, мы не можем здесь дать нашим читателям подробного описания этих волнений*); мы укажем лишь на вызвавшие их причины и вкратце изложим важнейшие их эпизоды.

Образ действий правительства за последнее время был крайне двусмысленный. Студентам и обществу посулили целый ряд либеральных реформ в области высшего и среднего образования; но обещания оставались обещаниями, а между тем было проведено несколько мер, носивших чисто реакционный характер, как напр. повышение до 2% нормы приема евреев в университеты, ограничение приема студентов в столичные университеты, подтверждение циркуляров Делянова и Боголюбова. Все это заставило учащуюся молодежь смотреть на обещания Ванновского с большим недоверием.

Волнения проявились с наибольшей силой в Киеве, Петербурге, Москве, Харькове и Риге.

В *Киеве* с самого начала учебного года поднялись волнения из-за того, что не были приняты обратно все уволенные и отпущенные в солдаты студенты (2 студента до сих пор в полках). 11-го октября была в университете многочисленная сходка; студенты протестовали против неприятия обратно всех уволенных товарищей и против реакционных мер, принимаемых Ванновским; некоторые из произнесенных речей носили чисто политический характер.

* Из обширного материала, полученного и ежедневно получаемого нами в связи с происходящими в настоящее время студенческими волнениями, мы составили последовательное изложение, которое, по истечении текущего учебного года, желали бы издать по примеру уже изданной нами брошюры: „Студенческое движение 1899 г.“, встреченной с особенным сочувствием нашим обществом. Но осуществиться это может только в том случае, если мы получим необходимые средства для покрытия расходов такого издания.

В *Петербурге* около того же времени были волнения по поводу статьи Мещерского в № 78 „Гражданина“, содержащей гнусные клеветы на русских учащихся женщин.

По поводу этой статьи были также сходки в *Киеве* и в *Москве*.

В *Москве* сильное недовольство среди студенчества вызвал ответ Ванновского и его отношение к просьбам, заявленным ему депутатами от студентов и курсисток; депутации эти были приняты им 11-го ноября. Речь, сказанная Ванновским депутатам от студентов, произвела самое неблагоприятное впечатление на всю учащуюся молодежь и вызвала повсеместно протесты с ее стороны.

16 ноября в *Москве* была уличная демонстрация по поводу неразрешения вечера в память Добролюбова. Было столкновение с полицией, во время которого пострадало от избивания несколько студентов. 16 человек были подвергнуты аресту при полиции за участие в демонстрации.

В *Петербурге* в первой половине ноября были волнения в нескольких высших учебных заведениях по поводу того, что в электро-технической институте явился сыщик, чтобы арестовать одного студента.

В *Риге* в начале учебного года были сходки, на которых студентами было выставлено требование политической свободы. 7-го декабря здесь была уличная демонстрация перед редакцией газеты „Rigasche Rundschau“, по поводу возмутительной статьи, помещенной в этой газете. (Статья эта рекомендует правительству принимать к протестующим студентам самые зверские меры.)

Самые серьезные волнения были в *Харькове* в конце ноября и начале декабря. Здесь волнения вылились в форму массовых уличных демонстраций, повлекших к столкновениям с полицией и войсками, во время которых пострадали многие из участвовавших в демонстрациях. Причиной волнений было исключение по приказу Ванновского 24-го ноября всего 1-го курса (150 чел.) харьковского ветеринарного института. Эта мера была принята по следующему поводу: 15-го ноября студенты ветеринары 1-го курса, недовольные преподаванием проф. Ф. Хими Лагермарка, подали ему заявление с просьбой оставить кафедру и уступить место другому профессору, стоящему на уровне современных знаний. Как только вышел приказ Ванновского, начались волнения и сходки во всех высших учебных заведениях Харькова. 28-го и 29-го ноября были уличные демонстрации, которые кончились избиванием студентов и публики казаками. Фабрики и заводы были оцеплены войсками, так как боялись, что рабочие примут участие в беспорядках. Бурные сходки и демонстрации возобновились в первые числа декабря. С 1-го декабря в университете началась обструкция. 1-го и 2-го декабря были особенно крупные демонстрации, во время которых многие из участвующих были избиты нагайками и кулаками. 8-го декабря ночью были повальные обыски и аресты.

Мы получили еще нижеследующие дополнительные сведения от лица, близко стоящего к университетским делам:

Несколько московских профессоров, видя возбужденное настроение учащейся молодежи и близко принимая к сердцу ее интересы, решились на свой страх вступить в переговоры с попечителем округа, и им удалось добиться от него временного узаконения сходок.

В то же время советом университета была избрана комиссия из 12 профессоров для ведения сношений со студентами помимо инспекции. Этим был осуществлен выработанный еще раньше проектом совета московского университета об организации внутреннего распорядка в университете. Проект этот в основных чертах состоял в том, что им узаконились: 1) постоянная студенческая организация под опекой исключительно профессоров, избранных советом, а не инспекцией; 2) курсовые сходки и 3) собрание делегатов от курсов (и то и другое под председательством лица, уполномоченных советом). Для организации сношений со студентами совет, согласно проекту избирает комиссию из 12 профессоров, на заседаниях которой присутствуют также ректор и инспектор, имевшие впрочем только совещательный голос. Комиссия действует самостоятельно, не спрашивая ни у попечителя, ни у ректора. Она разрешает сходки, распоряжается вывешиванием объявлений, ведет объяснение со студентами.

Въ Петербургѣ отнеслись неодобрительно къ образу дѣйствій московскихъ профессоровъ. Ваиновскій пріѣхалъ въ Москву, чтобы лично разслѣдовать дѣло. При объясненіи съ нимъ профессора заявили, что они дѣйствовали съ разрѣшенія попечителя округа; но попечитель (Некрасовъ) выставилъ дѣло Ваиновскому въ такомъ свѣтѣ, будто всѣ мѣры были приняты комиссіей безъ его согласія. Профессоръ Виноградовъ далъ отпоръ словамъ попечителя и, чтобы выразить протестъ, вышелъ изъ состава комиссіи, а въ началѣ декабря совсѣмъ покинулъ университетъ. Ваиновскій высказалъ профессорамъ свое неудовольствіе.

На совѣщаніи министра съ профессорами — проф. Тимирязевъ очень энергично и откровенно высказался противъ мѣропріятій, предлагаемыхъ министерствомъ, вслѣдствіе чего у него было рѣзкое объясненіе съ Ваиновскимъ, чуть было не кончившееся уходомъ Тимирязева изъ университета. Говорятъ, его упростили остаться изъ опасенія взрыва возмущенія среди студентовъ. (Въ Москвѣ этотъ инцидентъ получилъ названіе „Тимирязевскихъ дней“).

Ваиновскій упразднилъ комиссію 12 профессоровъ, запретилъ сходки и возстановилъ власть инспекціи.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ваиновскаго былъ присланъ совѣту университета министерскій контръ-проектъ, который былъ единодушно отвергнутъ совѣтомъ московскаго университета, но затѣмъ введенъ въ формѣ нѣнѣ обнародованныхъ правительствомъ „Временныхъ Правилъ 22-го декабря.“ Эти „правила“ разрѣшаютъ студентамъ организацію кружковъ для научно-литературныхъ занятій, для занятій искусствами, ремеслами и физическими упражненіями, устройство столовыхъ, чайныхъ, кассъ взаимопомощи, библиотекъ, читаленъ и т. п. учреждений. Разрѣшаются также избраніе курсовыхъ старостъ и курсовыя сходки для обсужденія вопросовъ, касающихся поименованныхъ учреждений. Отъ проекта московской комиссіи эти „временныя правила“ отличаются чрезвычайно строгой регламентаціей и, что особенно важно, тѣмъ, что контроль надъ всѣми студенческими учреждениями принадлежитъ не избранной комиссіи профессоровъ, — а ректору или начальнику учебнаго заведенія и лицамъ, избираемымъ совѣтомъ и утверждаемымъ попечителемъ, причѣмъ могутъ быть избираемы не только профессора, но вообще „должностныя лица“ учебнаго заведенія, т. е. также и члены инспекціи. Кромѣ того „временныя правила“, дозволяя организацію отдѣльных кружковъ и курсовыхъ сходокъ, не разрѣшаютъ общестуденческой организаціи, которой добивались студенты.

С.

Побѣдоносцевъ, какъ отрицатель самодержавія.

Вѣроятно мало кому изъ нашихъ читателей извѣстно, что оберъ-прокуроръ синода К. П. Побѣдоносцевъ недавно печатно полемизировалъ съ революционеромъ-анархистомъ П. А. Кропоткинымъ по поводу бывшихъ волненій въ Россіи. Происходила эта необычная полемика на англійскомъ языкѣ, на страницахъ американскаго ежемѣсячнаго журнала „The North American Review“, въ сентябрьскомъ выпускѣ котораго, за пестекцій годъ, появилась статья „Россія и народное образованіе, Константина Побѣдоносцева“ въ отвѣтъ на статью „Современный кризисъ въ Россіи, князя Кропоткина“, помѣщенную въ майской книгѣ того же журнала.

Общее содержаніе статьи Побѣдоносцева не представляетъ, разумѣется, по существу ничего новаго противъ того, что обыкновенно высказывается людьми въ его положеніи. Читатель легко можетъ себя представить, какъ онъ доказываетъ, что въ Россіи вовсе не происходитъ того, что на самомъ дѣлѣ происходитъ; — что русскій народъ подобенъ малому ребенку, или дикарю, требующему того своеобразнаго ухода, который можетъ доставить ему одно только отеческое попеченіе русскаго самодержавія и православной церкви, и т. п. Все это изложено со свойственнымъ Побѣдоносцеву авторитетнымъ тономъ и той ясностью и плавностью рѣчи, которыя придаютъ самымъ неимовѣрно ложнымъ его утвержденіямъ внѣшній обликъ правды въ глазахъ людей, по чѣму-либо не имѣющихъ возможности свѣрить его слова съ дѣйствительностью.

Но для насъ представляетъ интересъ не эта, конечно, сто-

рона его статьи, имѣющая цѣлью бросить пыль въ глаза иностранцамъ, незнакомымъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Интересны для насъ нѣкоторыя весьма характерныя признанія, косвенно вытекающія изъ словъ случайно проговорившагося русскаго государственнаго чловѣка и обнаруживающія истинныя, закулисныя отношенія этого разряда людей къ своей дѣятельности.

Такъ, напримѣръ, желая оградить себя передъ общественнымъ мнѣніемъ Запада отъ всякой отвѣтственности въ жестокой расправѣ правительства надъ студентами, — Побѣдоносцевъ пишетъ въ своей статьѣ: „Я не имѣлъ никакого отношенія къ дѣятельности министерства народнаго образованія, которое было поручено Богольпову... До своего назначенія, Богольповъ былъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ, и послѣ того мы оставались чуждыми другъ другу. Онъ былъ скорѣе враждебно настроенъ противъ меня, противодействовалъ мнѣ и ни одного раза не совѣтовался со мною“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько прилично подобное киваніе въ сторону умершаго и потому безотвѣтнаго товарища по службѣ, — въ этомъ заявленіи любопытно откровенное признаніе одного изъ ближайшихъ царскихъ совѣтниковъ того, что въ высшихъ русскыхъ правительственныхъ сферахъ господствуетъ такой разладъ и безурядица, что два государственные дѣятеля, занимающіе, съ правительственной точки зрѣнія, столь отвѣтственные и тѣсно связанныя посты, какъ министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, могутъ исправлять свои обязанности, не находясь даже въ разговорныхъ отношеніяхъ между собой.

Изъ приведеннаго утвержденія Побѣдоносцева (по поводу отдачи студентовъ въ солдаты) о томъ, что онъ „не имѣлъ никакого отношенія къ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія“, вытекаетъ естественное заключеніе, что онъ не принималъ участія въ установленіи знаменитыхъ „временныхъ правилъ“. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, какъ явствуетъ изъ тайнаго документа, опубликованнаго нами въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ изданій*), — еще въ 1882 году, на совѣщаніи министровъ, Побѣдоносцевъ первый внесъ предложеніе объ отдачѣ провинившихся студентовъ не только въ солдаты, но даже въ дисциплинарныя батальоны и роты. Въ то время эта звѣрская мѣра показалась слишкомъ крайнею даже собранію изъ русскихъ министровъ и великихъ князей, а впоследствии она была сравнительно смягчена и примѣнена въ видѣ привлеченія исключенныхъ студентовъ къ отбыванію воинской повинности безъ всякихъ льготъ. Такъ что, если можно считать Побѣдоносцева неучастнымъ къ отдачѣ кievскихъ студентовъ въ солдаты, въ прошломъ году, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что если бы его первоначальное предложеніе восторжествовало, то надъ ними совершена была бы еще болѣе возмутительная жестокость.

Не удивительно поэтому, что, выражая въ этой же статьѣ свое неодобреніе отдачи въ солдаты 180-ти студентовъ, Побѣдоносцевъ оплакиваетъ не самую жестокость этой мѣры, а единственно то, что она была „сразу примѣнена къ слишкомъ большому количеству юношей“ и тѣмъ вызвала такой шумъ и волненія.

Но характернѣе всего то отношеніе высшихъ представителей русскаго правительства къ самодержавной власти, которое косвенно и, конечно, безсознательно для самаго автора обнаруживается въ слѣдующемъ замѣчательномъ заявленіи, дословно нами переведенномъ изъ статьи Побѣдоносцева:

„Слѣдуетъ помнить, что нашъ Императоръ никогда не издастъ такихъ указовъ подъ своей личной отвѣтственностью. Онъ довольствуется утвержденіемъ въ законѣ указанныхъ случаевъ резолюцій различныхъ административныхъ комитетовъ и распоряженій своихъ министровъ. Распоряженіе о военной службѣ для студентовъ, виновныхъ въ нарушеніи университетскаго устава, бы о издано независимо отъ всякой инициативы со стороны Императора. Министры, на совѣщаніи, созванномъ по случаю университетскихъ безпорядковъ, нашли нужнымъ прибѣгнуть къ этому наказанію, и ихъ постановленіе было представлено на Высочайшее благоусмотрѣніе. Были изданы временныя правила, по которымъ примѣненіе этой кары

*) См. „Листки Свободнаго Слова“ № 21, стр. 46. Совѣщанія Комитета министровъ 1882 — 1884 г. г. *Ред.*

въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно было зависѣть отъ особой комиссiи, включающей министровъ подлежащихъ вѣдомствъ, и постановленiя этой комиссiи должны были вступать въ законную силу, не нуждаясь въ Высочайшемъ утвержденiи. Кiевское дѣло было поэтому рѣшено такимъ образомъ, и *воля Императора не принимала въ немъ никакой доли участiя*.†)

Согласно этому неосторожному признанию одного изъ иностранныхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей оказывается, что, въ случаяхъ примѣненiя на практикѣ *высочайше утвержденныхъ* постановлений, слѣдуетъ считать, что царская воля не принимаетъ въ этомъ никакого участiя! Другими словами, современные русскiе правительственные воротила смотрятъ на утвержденiе государемъ изобрѣтаемыхъ ими постановлений, какъ на пустую формальность, не налагающую на царя никакой ответственности въ томъ, что онъ подписалъ. Невольно вспоминается замѣчанiе, сдѣланное въ одной изъ прокламаций, выпущенныхъ во время послѣднихъ студенческихъ волнений, о томъ, что въ наше время власть русскаго самодержца сведена къ роли *резинового штампеля*, который министры иногда прикладываютъ къ своимъ распоряженiямъ.

Что русское правительство превратилось въ необузданную олигархию, въ которой воля царя играетъ самую ничтожную роль, — это мы давно знаемъ и неоднократно высказывали; но чтобы закусившие удила представители этой олигархиіи могли до такой степени запестисъ, чтобы самымъ цинично заявлять о своемъ фактическомъ самодержавiи и о невмѣяемости русскаго царя, даже по отношенiю къ имъ самимъ подписаннымъ указамъ, — этого, признаться, даже и мы не ожидали.

Съ нашей точки зрѣнiя, конечно, все равно, одинъ ли запутанный и опьяненный властью человекъ, или цѣлая кучка ихъ будетъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ государственный произволъ, которому суждено существовать ровно столько времени, сколько самъ народъ будетъ подчиняться ему. Но всякій новый придатокъ лжи и обмана къ такому злу дѣлаетъ его еще болѣе вреднымъ и соблазнительнымъ. И самая пагубная сторона дѣятельности всякихъ Побѣдопосцевыхъ и имъ подобныхъ въ томъ и заключается, что они постоянно усиливаютъ элементъ лжи и лицемерiя, которымъ проникнута русская правительственная и въ большой степени общественная жизнь. Стараясь избавить царя отъ ответственности въ имъ самимъ утверждаемыхъ распоряженiяхъ, эти люди тѣмъ безсовѣстнѣе лгутъ, что передъ глазами русскаго народа они, какъ разъ наоборотъ, настойчиво выдвигаютъ впередъ авторитетъ самодержавiя, постоянно прикрываясь именемъ царя для совершенiя самыхъ темныхъ и злыхъ дѣяній. Въ государствѣ, номинально считающемся „самодержавнымъ“, подобный приемъ съ одной стороны сваливанiя министрами своей ответственности на царя, а съ другой отрицанiя ими его вмѣяемости, окончательно упраздняетъ всякую ответственность кого бы то ни было передъ кѣмъ бы то ни было. А при такихъ условiяхъ, можетъ только до безконечности развиваться и усиливаться дикiй произволъ, господствующій въ правительственной области, въ которой у насъ въ Россiи и безъ того предоставленъ неограниченный просторъ самымъ грубымъ и жестокимъ инстинктамъ.

В. Ч.

Отказы отъ военной службы во Франціи.

Въ № 16 „Свободной Мысли“ *) было сообщено объ отказѣ отъ воинской повинности по религиознымъ убѣжденiямъ французскаго солдата *Гутодье*, взятаго на службу въ 1895 г. и тогда же заявившаго, что совѣсть не позволяетъ ему взять въ руки ружье. Дважды онъ былъ приговоренъ судомъ къ двумъ годамъ тюремнаго заключенiя. По ходатайству „Лиги Правъ Человека“, — онъ былъ причисленъ для окончанiя срока военной службы къ канцелярiи Главнаго Штаба. Такъ какъ это рѣшенiе долго оставалось мертвой буквой, и *Гутодье* продолжалъ сидѣть въ военной тюрьмѣ, — то сочувствовавшій ему извѣстный адвокатъ г. *Трарье* обратился съ ходатайствомъ за него передъ

военнымъ министромъ. Благодаря этому *Гутодье*, наконецъ, былъ переведенъ въ военное отдѣленiе больничныхъ служителей въ *Лионѣ*.

Здѣсь начальство, офицера и доктора изводили его всячески насмѣшками и грубостями, называя „вреднымъ анархистомъ“ и старательно удаляя его отъ общенiя съ другими служителями. Главный врачъ же такъ прямо и заявилъ ему: „Пока у васъ будутъ эти превратныя идеи, мы васъ не выпустимъ, вы не достойны вернуться къ гражданской жизни.“ Они умноженно подстрекали унтеръ-офицеровъ противъ него съ очевиднымъ намѣренiемъ вывести его изъ терѣнiя и тѣмъ получить законный поводъ — положить на него дисциплинарное взысканiе. Но усилiя ихъ были тщетны. *Гутодье* — человекъ хладнокровнаго характера, спокойный и вмѣстѣ съ тѣмъ откровенный, къ тому же онъ образцовый работникъ въ лазаретѣ, такъ что и придратъся начальству было не къ чему.

Въ виду того, что *Гутодье* единственный сынъ и опора стариковъ родителей, *Трарье* снова возобновилъ ходатайство о его освобожденiи. Оказывается, что по закону онъ долженъ былъ отбывать всего 1 годъ военной службы; вмѣсто этого онъ просидѣлъ 4 года въ тюрьмѣ. *Трарье* получилъ обѣщанiе, что его выпустятъ; но тутъ началась обычная канцелярская процедура съ безконечнымъ задерживанiемъ со стороны военныхъ чиновниковъ, путаницей и лаптемъ (точь въ точь какъ въ нашей самодержавной Россiи), — которая длилась нѣсколько мѣсяцевъ, пока наконецъ прошенiе *Гутодье* было доставлено министру. Но и до сихъ поръ еще *Гутодье* не освобожденъ*), хотя надо полагать, что теперь ужъ мытарство его скоро кончится.

Вслѣдъ за этимъ случаемъ, и повидимому совершенно независимо отъ него, еще одинъ французскiй новобранецъ въ *Бельфортѣ* въ 9-ой артиллерiйской батареи, по имени *Грасленъ*, отказался обучаться стрѣльбѣ. Въ газетахъ былъ приведенъ его разговоръ съ полковымъ командиромъ, который, пытаясь разубѣдить его, сказалъ ему: „подумай, развѣ это не безумiе?! Вся Франція подчиняется закону о военной службѣ, что-же можешь сдѣлать ты — одинъ противъ всѣхъ?!“

Крестьянскiй парень спокойно отвѣтилъ: „Вы забываете, полковникъ, что одно хлѣбное зерно, падая въ землю, даетъ 20 на будущее лѣто“.

Его посадили сначала въ холодный карцеръ на 8 дней, а потомъ въ тюрьму и отдали подъ судъ. Всѣ солдаты 9-ой батареи находятся подъ сильнымъ впечатлѣнiемъ его геройской простоты и силы воли.

Извѣстный французскiй писатель, *Урбэнъ Гоге*, писавшій объ этомъ,**) упоминаетъ еще объ одномъ случаѣ отказа, бывшемъ ранѣе, въ 1900 г., въ 162 линейномъ батальонѣ, въ *Вердѣнѣ*. Вотъ, что онъ пишетъ объ этомъ: „Молодой солдатъ 5-ой роты, по имени *Пети*, былъ приговоренъ военнымъ судомъ 6-го корпуса къ 3-хъ годичному тюремному заключенiю за то, что онъ: „не хотѣлъ учиться убивать своихъ ближнихъ“. Онъ говорилъ своему полковнику; „я уважаю ваши лѣта, но не уважаю вашего мундира“. Брошенный въ тюрьму, онъ говорилъ своимъ сторожамъ: „я нахожусь въ тюрьмѣ, потому что не хочу быть убийцей.“ Такова дѣйствительно мораль нашего прекраснаго общества. Торжествуютъ разбойники. Дисциплинарный батальонъ уготованъ тѣмъ, кто отказывается проливать кровь человѣческую!“

Не прошло 2-3 мѣсяцевъ, послѣ отказа *Граслена* въ *Бельфортѣ*, какъ въ одной французской газетѣ появилась слѣдующая замѣтка***). „Хлѣбное зерно уже дало плодъ, не дожидаясь будущаго лѣта. И это случилось опять въ *Бельфортѣ* въ 35-омъ пѣхотномъ полку. Нѣкто *Дарессоль*, уроженецъ *Контала*, молодой солдатъ, прибывшій сюда всего нѣсколько дней тому назадъ — внезапно отказался взять саблю и ружье. Не смотря на настаиванiе своихъ начальниковъ, онъ упорствуетъ въ своемъ отказѣ и ожидаетъ въ карцерѣ приговоръ военнаго суда. Чтобы побѣдить его упорство были употреблены самыя гнусныя мѣры: прибѣгли къ вмѣшательству родителей, прочли ему письмо отъ нихъ — умоляющее, жалобное. *Дарессоль*

*) Не смотря на то, что даже въ газетахъ было уже напечатано, что онъ на свободѣ. Заблужденiя эти свидѣнiя изъ журн. „Le Bloc“, декабрь 1901 г.

**) Статья *Урбэна Гоге* въ „L'Autographe“ 5 дек. 1901 г. О томъ же было и въ друг. франц. газетахъ.

***) „Temps Nouveaux“ № 35, 1901 г. Затѣмъ и въ другихъ газетахъ.

†) Курсивъ нашъ въ обоихъ случаяхъ. В. Ч.

*) Вышедшій въ октябрѣ 1901 г. подъ редакціей П. Бурнесса въ Женевѣ.

плакать, но остался непоколебимъ. Привѣтствуемъ новаго героя!

Что сдѣлаетъ французское правительство съ этими новыми борцами за совѣсть? Замучаетъ ли оно ихъ на подобіе того, какъ русское правительство замучило Евдокима Дрожжина *) и нѣсколько человѣкъ духоборовъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ, — или же, подъ давленіемъ большей гласности и бо-отнесется болѣе человѣчно къ своимъ жертвамъ?...

Во всякомъ случаѣ, если даже предположить худшее, то стоить сравнить участь отказывающагося отъ военной службы — съ участіемъ большинства другихъ, безпрекословно повинующихся военному уставу, чтобы убѣдиться въ томъ, что этимъ послѣднимъ не многимъ слаще приходится, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ горше первыхъ. Вотъ для примѣра письмо одного, опять таки французскаго солдата дѣйствующей арміи, доставленное намъ однимъ изъ нашихъ друзей **):

Дорогой другъ!

...Я получилъ письмо отъ друга Ш., въ которомъ онъ пишетъ, что скоро отправится на военную службу... Бѣдный малый! Я его сердечно жалѣю, зная, что онъ долженъ идти въ это нелѣпное и позорное учрежденіе, которое называютъ „воинство“ и которое противно христіанскому духу. „Дисциплина прежде всего!“ „Мстите!“ „Сила выше права!“ — вотъ тѣ девизы, которые первенствуютъ въ ихъ всевозможныхъ кровавыхъ теоріяхъ. Представьте себѣ, что я это слышу уже въ продолженіе 24-хъ мѣсяцевъ! Къ счастью мнѣ остается служить только 10 мѣсяцевъ, и тогда я брошу съ радостью эту школу порока, гдѣ честный человѣкъ идетъ за одно съ разбойникомъ и воромъ, гдѣ торжествуютъ похабныя пѣсни, и все это подъ бдительнымъ надзоромъ этихъ таскателей сабель, проповѣдующихъ самыя безсмысленныя теоріи, обкрадывающихъ своихъ подчиненныхъ. Бѣдные солдаты часто должны довольствоваться котломъ горячей воды, на поверхности которой плаваютъ нѣсколько кусочковъ хлѣба — вотъ обѣдъ армейскаго солдата. И при этомъ 30, 40 километровъ въ день похода подъ солнцемъ, дождемъ, иди да иди себѣ впередъ съ пустымъ брюхомъ. Недавно рассказывалъ мнѣ одинъ солдатъ, что послѣ большихъ маневровъ, онъ, сильно уставши, попросилъ у офицера позволенія немного остановиться. Офицеръ ему на это отвѣтилъ: „Иди, или издыхай.“ Когда видишь такіе наглости, есть отъ чего сдѣлаться анархистомъ... Но, слава Богу, войско уже признаво цивилизованными народами противнымъ человѣчности. Военщина умираетъ, она въ агоніи. Отъ нея остается только пурпуръ и золото для ослѣпленія глазъ женщинъ и дураковъ. Духъ націонализма и церковности потухаетъ. Наши дѣти кончатъ съ этою гнилью, выбросятъ ее за бортъ. И мѣсто ея займетъ христіанскій социализмъ. Господи, да исполнится воля Твоя!...“

* * *

Мы увѣрены, что любой не отупѣвшій окончательно отъ дисциплины солдатъ можетъ подтвердить все здѣсь написанное и еще поразсказать о несравненно бѣльшихъ жестокостяхъ и страданіяхъ, которыя приходится переносить на военной службѣ.***) Непонятно, какъ большинству людей, въ сущности питающихся отвращеніемъ къ ремеслу убійцы, до сихъ поръ еще не ясно, что гораздо легче страдать свободно за правое дѣло, — какъ страдаютъ отказавшіеся отъ военной службы, — нежели страдать подневольно на подобіе скотовъ, сгибая выю подъ ярмомъ солдатчины. Тамъ есть награда и утѣшеніе въ сознаніи исполненнаго требованія совѣсти; здѣсь же — страданіе унижительное, глупое, заставляющее постоянно чувствовать свою забитость, трусость, оскорбленіе всѣхъ лучшихъ чувствъ.

Но тотъ, кто вѣритъ въ необходимое торжество правды и добра, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что люди должны проснуться отъ своего тяжелаго одурѣнія. Мы знаемъ, что солдатъ, написавшій приведенное нами письмо, — не единственный во Франціи, у котораго сознаніе уже пробудилось къ новому пониманію жизни. Въ настоящее время во всѣхъ стра-

нахъ съ каждымъ днемъ нарождается все больше и больше такихъ, хотя и исполняющихъ военную службу, но уже сознательно относящихся къ тому злу, въ которомъ они принимаютъ участіе.

И великое дѣло совершаютъ тѣ — пока еще немногіе — отважные, идущіе противъ теченія, скромные и стойкіе работники на нивѣ жизни, которые теперь страдаютъ и томится въ тюрьмахъ и ссылкахъ — за отказы отъ участія въ государственномъ насиліи и убійствѣ.

Эти люди мало кому извѣстны; о нихъ мало гдѣ слышно: слова ихъ не громки, и дѣла ихъ не шумны; за то дѣлаютъ они дѣло вѣрное, прочное и притомъ — чистое... Они не ждуть того, чтобы новыя законы замѣнили старыя, чтобы теперешніе неправедные правители смѣнились новыми, лучшими, — для установленія среди людей новаго, болѣе справедливаго порядка. Они знаютъ, что для этой цѣли уже много было пролито братской крови, много погибло виновныхъ и невинныхъ жертвъ — и много еще погибнетъ... Они считаютъ, что осуществленіе истиннаго братства и свободы возможно и нужно сейчасъ-же для каждаго, пока онъ живъ. И они дѣлаютъ это.

Придетъ время, когда „миръ устанетъ въ борьбѣ, захлебнется въ крови“, и тогда люди будущаго поколѣнія вспомнятъ объ этихъ — мирныхъ герояхъ духа и послѣдуютъ имъ примѣру.

А. Ч.

Вѣсти изъ Финляндіи.

28-го декабря 1901 года.

Вамъ вѣроятно уже извѣстно, что Финскіе батальоны уничтожены и солдаты распущены. Финскія казармы заняты русскими войсками. Пришли, увидѣли и побѣдили. Очень трогательное зрѣлище было, когда солдаты выходили изъ казармъ и шли по-нуричь головы, сопровождаемые офицерами, по городу, конечно, окруженные толпою народа. Разойдясь по домамъ, они, конечно воспользовались благопріятнымъ случаемъ паниться и утроемъ отправились въ казармы, перебили тамъ стекла и лампы, даже, говорятъ, и драка была. О послѣдствіяхъ ничего не слышать. Исторію драгуновъ я достоверно не знаю, но кажется ихъ хотѣли перевести въ Россію, но достоверно то, что когда отъ нихъ требовали новой воинской присяги по русскому уставу, то командиръ полка, полковникъ Шауманъ, заявилъ Бобрикову въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, что онъ новой присяги отъ своего полка требовать не можетъ и самъ присягать не намѣренъ, такъ какъ это противъ финляндскаго закона. Бобриковъ разсвирѣпѣлъ, поднялъ кулакъ и громогласно провозгласилъ, что онъ законъ Финляндіи, и другихъ законовъ она не имѣетъ, и сказалъ еще что-то командиру, затронувшее честь его. Тогда почти всѣ офицеры подали въ отставку, мотивируя это тѣмъ, что ихъ начальнику нанесена обида, и они въ томъ полку служить не могутъ и не хотятъ. Командиръ также подалъ въ отставку. Но такъ какъ и онъ, и многіе изъ офицеровъ, по какимъ-то правиламъ, не имѣли на это права, то ихъ назначили въ какіе то другіе полки, въ Россію, съ пониженіемъ чина. Полкъ драгуновъ распустили или, ужъ не знаю хорошенько, какъ это было, перевезли-ли и солдатъ въ Россію или распустили, вѣроятно, впрочемъ, послѣднее, и лошадей всѣхъ взяли, т. е. перевезли въ Россію, суммою на миллионъ. Говорятъ, что многіе успѣли застрѣлить своихъ лошадей. И все это дѣлается среди бѣлаго дня. Народъ здѣсь начинаетъ сильно возмущаться всѣмъ этимъ. Какъ бы не было бѣды! Страшно это дѣло! Начали также отставать отъ службы чиновники подъ предлогомъ, что не знаютъ русскаго языка. Вы вѣрно слышали уже объ адресѣ съ полумилліономъ подписей, который предполагалось послать государю за границу. Но это не удалось, дѣло какъ то открылось, и тогда заставили сенатъ послать адресъ государю въ Петербургъ. Адресъ этотъ конечно никакого дѣйствія не имѣлъ, кромѣ того, что теперь служащіе люди, подписавшіеся подъ этимъ адресомъ находятся въ гоненіи. Вице-канцлеръ университета профессоръ Рейнъ, который также подписался, былъ вызванъ въ Петербургъ и имѣлъ свиданіе съ Целемъ.*) Целемъ сказалъ ему: какъ же это,

*) Целемъ — статсъ-секретарь Финляндіи.

*) См. „Жизнь и смерть Дрожжина“, изданіе „Свободнаго Слова“. Ред.

**) П. И. Вирюковичъ, приславшій намъ переводъ этого письма.

***) Въ нашей редакціи имѣются записки двухъ побывавшихъ на военной службѣ русскихъ солдатъ, крестьянскаго происхожденія, которыя мы охотно издали бы, если бы имѣлись на то средства: „Записки Рядового“ (размѣръ 3 печ. листа) и „Въ Дисциплинарномъ Батальонѣ“ (около 12 печ. листовъ). Изд.

вы, занимая такую должность, должны подавать примѣръ молодежи . . . могли такъ поступить. На это Рейнь отвѣтилъ, что оттого то онъ и подписался, что считаетъ своею обязанностью подавать примѣръ молодежи. Плеве вѣроятно понять не могъ, что за чудачки такіе со своими обязанностями. Много еще Рейнь надавалъ ему правдивыхъ отвѣтовъ, которые тотъ заставилъ его написать, и теперь Рейнь долженъ подать въ отставку; на его мѣсто, говорятъ, будетъ назначенъ или Шинновъ, или какой то другой русскій, по это слухи, объ отставкѣ навѣрно не извѣстно.

Вотъ еще курьезъ. Когда вопросъ о воинской повинности былъ рѣшенъ, то сенатомъ было это объявлено и приказано пасторамъ объявить въ церквахъ. Но во многихъ мѣстахъ это совсѣмъ не удалось: народъ или вышелъ изъ церкви, какъ только должно было прочитаться это объявленіе, или всѣ начали гдѣт псалмы, такъ что пасторъ не могъ читать; нѣкоторые пасторы просто сами отказались объявлять, такъ какъ всѣ эти приказанія происходятъ не по закону Финляндіи. И вотъ теперь идетъ дѣло. Бобриковъ велѣлъ производить слѣдствія и привлечь пасторовъ къ отвѣтственности за безпорядки, происшедшія въ церквахъ, и на одномъ слѣдствіи пасторъ показалъ, что безпорядковъ никакихъ не было, что народъ совершенно спокойно и тихо вышелъ изъ церкви, прежде чѣмъ должно было начаться объявленіе, что запретить уйти нельзя, каждый воленъ уходить изъ церкви когда хочетъ, нельзя заставить слушать объявленіе: слушаетъ тотъ кто хочетъ; и, — конечно, былъ оправданъ. Что будетъ съ другими — неизвѣстно.

Дополнительная извѣстія:

Исторія драгуновъ слѣдующая: гвардія и полкъ драгуновъ куда были оставлены Финскими, но, послѣ вышеописаннаго казуса, Бобриковъ полетѣлъ въ Петербургъ, и дѣло устроилось такъ, что полкъ уничтожили, лошадей увели, и сейчасъ былъ присланъ полкъ русскихъ драгуновъ, который занялъ опять Финскія казармы. Гвардію также, говорятъ, въ скоромъ времени переведутъ въ Россію и казармами также завладеютъ. Такъ какъ теперь почти всѣ офицеры выходятъ въ отставку (предполагалось, что офицеры будутъ всѣ переведены въ русскія войска) то отъ государя пришла такая бумага, что: офицерамъ, которые согласны переселиться на службу въ Россію, будетъ выдано двухъ-годовое жалованіе, какъ пособіе; тѣ-же, которые останутся служить въ Финляндіи, получаютъ какую-то сумму въ вознагражденіе. Интересно, найдутся ли охотники. Настроеніе здѣсь въ Финляндіи самое тяжелое и грустное, и слухи посятся все безнадежныя, всѣ въ ожиданіи чего-то самаго худшаго. Однимъ словомъ, полное разореніе страны и завладѣніе ея имуществомъ. Именно происходитъ то, за что частныхъ лицъ сажаютъ въ тюрьму. N.

О монастыряхъ.

Изъ Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи.

Въ послѣдніе годы въ русскихъ газетахъ часто приходится читать краткія извѣстія: въ такой-то губерніи и уѣздѣ открыта женская монашеская община на такое-то число сестеръ. Обыкновенно такія извѣстія очень мало обращаютъ на себя вниманіе читателей. Развѣ кто нибудь только подумаетъ: вотъ, видно, въ Россіи стремленіе къ монашеской жизни среди женщинъ не оскудѣваетъ, если и въ настоящее время находятся средства открывать новые монастыри и устраивать новыя общины. Это заключеніе, по крайней мѣрѣ для нашей Ярославской губерніи, было бы не совсѣмъ вѣрно, а такъ какъ нибудь исключеніе, то весьма вѣроятно, что и для всей Россіи заключеніе о томъ, что находятся новыя средства для основанія новыхъ монастырей будетъ невѣрно. Мы въ Ярославской губерніи имѣемъ передъ своими глазами фактъ основанія женскихъ общинъ на мѣстѣ упраздненныхъ мужскихъ монастырей, причѣмъ мужскіе монастыри упраздняются, исключительно вслѣдствіе скандальнаго поведенія монаховъ. Въ Ярославской губерніи такимъ образомъ въ послѣдніе годы были упразднены и переименованы въ женскія общины два мужскихъ монастыря — въ городѣ Даниловѣ и въ Пошехонскомъ уѣздѣ,

такъ называемая, Исаковская пустынь. Я буду говорить только о томъ, что мнѣ лучше извѣстно: о монастыряхъ Пошехонскихъ. Съ давнихъ поръ Пошехонскій уѣздъ, обитатели котораго также издавна привыкли искать себѣ хлѣба на сторонѣ, прокармливалъ отъ своихъ проблематическихъ избытковъ три мужскихъ монастыря. Какую пользу получало населеніе отъ этихъ монастырей въ давнопрошедшія времена остается неизвѣстнымъ, но фактъ сильнаго распространенія въ нашемъ уѣздѣ раскола, въ видѣ различныхъ ученій, не исключая самыхъ изувѣрныхъ, говоритъ за то, что польза эта во всякомъ случаѣ не состояла въ просвѣщеніи массъ. Въ настоящее же время эти монастыри нельзя назвать иначе, какъ разсадниками пороковъ и разврата. Для доказательства я расскажу исторію закрытія и обращенія въ женскую общину Исаковской пустыни.

Въ этой пустыни находится чудотворный образъ „Божіей Матери“, составляющій главный источникъ доходовъ монастыря. Образъ этотъ постоянно путешествуетъ не только по своему уѣзду, но по желанію жителей заходитъ и въ сосѣдній Вологодскій. Такимъ же образомъ странствуютъ иконы и изъ остальныхъ двухъ мужскихъ монастырей, хотя въ одномъ изъ послѣднихъ ни на какія чудеса и претензій не имѣется: это просто особенная форма сбора, такъ какъ монахамъ за сборомъ прямо ходить не дозволяется. То, что продѣлываютъ святые отцы во время этихъ хожденій, представляетъ циничнѣйшую профанацию всякой религіи. Мужскіе монастыри наши наполнены отбросами всѣхъ сословій; туда попадаютъ спившіеся съ кругу духовные, не кончившіе курса и тоже спившіеся семинаристы и другіе тунеядцы и бездѣльники, вплоть до, такъ называемыхъ, „зимогоровъ“; попадаютъ туда и мѣщанскіе и крестьянскіе сироты — мальчики и проходятъ довольно полную школу праздности и разврата. Группа тако-го сброда, являющаяся съ иконой въ деревню или въ помѣщичью усадьбу, производитъ впечатлѣніе разбойничьяго нашествія. Грязные, растрепанные, грубые, съ охрипшими головами отъ водки и долгого хожденія по сырой погодѣ, съ перемолотыми, какъ говоритъ народъ, отъ торопливости языками, безъ всякой хотя бы тѣни вниманія, я не говорю ужъ благоговѣнія, къ тому, что они дѣлаютъ, — эти укряпители религіознаго чувства въ народѣ производятъ на всякаго свѣжаго человѣка удручающее впечатлѣніе. Являясь въ деревню, они останавливаются по срединѣ, требуютъ себѣ на улицу столъ, если позволяетъ погода, ставятъ на него икону, и начинаются „молебны“ за гривенникъ и за три гривенника водосвятный. Бабы жалуются, что на гривенникъ хоть и не служи, только и услышишь, что „господи помилуй, аманъ“ да „давай гривенникъ“. Буддійскія молитвенныя мельницы безспорно имѣютъ за собой большія преимущества, чѣмъ такіе „молебны“. Недалеко какъ нынче осенью въ одномъ помѣщичьемъ домѣ за молебномъ пѣвчіе такъ заинтересовались стоявшей передъ ними бутылкой, что забыли и о священникѣ, и о молебнѣ. Въ бутылкѣ оказался уксусъ, а не водка, какъ они думали, и, вмѣсто молебна, на глазахъ цѣлой толпы богомольцевъ былъ разыгранъ фарсъ, который пошехонскіе св. отцы называютъ *христіанскимъ богослуженіемъ*. Какіе пануасы или пещерасы служатъ хуже своимъ идоламъ? Каждый день такого путешествія кончается пьяной оргіей, водка возится съ собой, четвертая бутылка стоитъ обыкновенно у всѣхъ на виду въ повозкѣ, рядомъ съ иконой. Бывали и такіе случаи при этомъ, что пока св. отцы благодумствовали, который нибудь изъ пѣвчихъ забиралъ кружку со сборомъ и давалъ тягу, чаще всего, впрочемъ, до ближайшаго кабака.

Но описывая то, что относится вообще къ поведенію нашихъ монаховъ я уклоняюсь отъ своего предмета — упраздненія Исаковской пустыни. Монахи тамъ жили не одну сотню лѣтъ въ полномъ благоденствіи, не отказывая себѣ ни въ чемъ: были и сыты, и пьяны, и всѣмъ довольны, чего только душа хотѣла, потому что около самаго монастыря расположена довольно большая деревня, гдѣ были, конечно, кабаки, и въ каждомъ домѣ которой проживали монашескія жены, а у нѣкоторыхъ монаховъ такъ было, говорятъ, и по нѣскольку въ разныхъ домахъ. Анекдоты, которые тутъ рассказываются, могли бы послужить темами для самого Боккачіо и, во всякомъ случаѣ, нашимъ пошехонскимъ монахамъ нечему бы было учиться у итальянскихъ. Мнѣ показывали между прочимъ сундукъ, который служилъ для скрятія женъ

въ кельѣ. Остроумно устроенный сундучекъ, — помѣщаться тамъ нужно было лежа, но за желѣзной подвижной обивкой было устроено окошечко „для воздуха“. О такой жизни монаховъ знали рѣшительно всѣ въ уѣздѣ, и надо полагать, что и самое начальство ихъ все это допускало, потому что очень постыдно, шпашество и развратъ не дошли, наконецъ, до того, что въ одинъ прекрасный августовскій день самъ игумень монастыря убилъ у себя въ кельѣ женщину, изрубилъ трупъ на куски съ помощью двухъ другихъ и, вынеся вонъ изъ стѣнъ монастыря, разбросалъ куски въ ближайшемъ лѣсу. Убийду и сообщниковъ судили въ Пошехонѣ при закрытыхъ дверяхъ, конечно, осудили на нѣсколько лѣтъ каторги, но приговоръ этотъ былъ неокончательный, и чѣмъ въ самомъ дѣлѣ это омерзительное дѣло кончилось — для насъ осталось неизвѣстнымъ. Монастырь въ мужскомъ завѣдываннѣ просуществовалъ еще съ годъ. Черезъ годъ послѣ перваго убійства тамъ произошло еще повое, но этотъ случай даже и до суда не былъ доведенъ, такъ какъ убійство произошло отъ слишкомъ большой ревности къ водворенію порядка новаго игумена. Послѣ этого монаховъ выселили, и на мѣстѣ мужскаго монастыря явилась женская община. Въ Даниловѣ произошло нѣчто подобное. Четвертый нашъ пошехонскій монастырь, недавно возникшій, занялъ тоже владѣнія мужскаго монастыря.

Такимъ образомъ являются женскія общины. Онѣ представляють изъ себя уже нѣчто иное сравнительно съ мужскими. Матушки игуменьи больше всего стараются о нѣшнемъ благолѣпнѣ обителѣ и большею частью являются отличными хозяйками. Онѣ стараются привлечь къ себѣ все здоровыхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ и заставляютъ исполнять не только женскую, но и мужскую работу. Лѣтомъ онѣ все дѣлають сами въ полѣ, а зимой возятъ бревна и камень на постройки и, такимъ образомъ, эти дѣвушки работаютъ въ монастыряхъ гораздо больше, чѣмъ дома, и не было бы основанія ни для какого обвиненія ихъ, если бы онѣ удовлетворялись своей работой. Но, къ сожалѣнію, это не такъ: женскіе монастыри для населенія тягостнѣе еще мужскихъ: монашенки почти непрерывно швыряють по уѣзду — то съ артосомъ, то съ иконой, то за повью, а пови-то у насъ хватаетъ иной разъ только до Введеньева дня. Спрашивается: съ какой стати должно населеніе уѣзда отрывать кусокъ отъ своего и безъ того небольшого каравая, чтобы кормить сотни не приносящаго ему никакой пользы, а въ худшемъ случаѣ прямо вреднаго ему народа? У насъ теперь въ уѣздѣ меньше врачебныхъ пунктовъ, чѣмъ монастырей; меньше, конечно, разъ въ десять учителей и учительницъ, чѣмъ монаховъ и монахинь. Наши школы помѣщаются въ полуразвалившихся избенкахъ, гдѣ учителя и ученики мерзнутъ зимой, а въ монастыряхъ даже конюшни и скотные дворы каменные, вслѣдствіе этого у нихъ и скоту пожалуй живется лучше, чѣмъ мужику, съ котораго они наравнѣ сорвать не тѣмъ, такъ другимъ способомъ. И среди этого великолѣпія, нѣтъ ни одного уголка, посвященнаго хоть на какую-нибудь пользу окружающей наши монастыри деревни. Ни въ одномъ нѣтъ ни признака какой-нибудь школы или пріюта для убогаго и голоднаго — ничего! Послѣдній женскій монастырь былъ основанъ между прочимъ, будто бы, для воздѣйствія на раскольниковъ. Но какое-же можетъ быть воздѣйствіе, когда сами просвѣтительницы почти сплошь неграмотныя, и никто изъ начальствующихъ и не думаетъ о томъ, чтобы ихъ хоть сколько-нибудь поучить. Онѣ ухитряются даже нѣвчнхъ учить нѣтъ только съ голосу, безъ грамоты. Не слишкомъ ли поэтому много для насъ, пошехонцевъ, четырехъ монастырей? N. N.

Добавочныя свѣдѣнія о разгромѣ церкви крестьянами села Павловкѣ*).

1.

Письмо въ Редакцію.

М. Г. Редакторъ,

Прошу напечатать слѣдующее мое письмо въ вашей газетѣ. Надеюсь, что оно принесетъ пользу при слѣдствіи по дѣлу Павловкѣ.

*) См. статью „Бунтъ Павловскихъ крестьянъ“ въ № 1. „Свободнаго Слова“, декабрь 1901 года.

Павловскихъ крестьянъ. Письмо это я пробовалъ помѣстить въ легальныхъ газетахъ въ Россіи, но къ сожалѣнію мнѣ это не удалось.

Въ январѣ 1900 года я получилъ письмо отъ князя Хилкова, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что крестьяне сектанты Павловкѣ и нѣкоторыхъ другихъ селеній въ количествѣ 400 душъ хотять переселиться въ Америку, о чемъ ужъ они подали прошеніе на Высочайшее имя. Крестьяне обратились къ нему за свѣдѣніями по переселенію и съ просьбой указать имъ лицо въ Россіи, которое бы могло имъ давать совѣты по этому дѣлу. А онъ проситъ меня помочь имъ.

Получивъ это письмо, я поѣхалъ въ Павловки, чтобы переговорить лично съ крестьянами.

На станціи Новоселки я наваялъ извозчика и поѣхалъ на „князя хуторъ“. Крестьянинъ П., сектантъ, у котораго я остановился, очень былъ мнѣ радъ, но показался мнѣ взволнованнымъ; когда я спросилъ его о причинѣ его волненія, онъ сказалъ мнѣ: „боюсь, какъ бы урядникъ не набѣжалъ и не арестовалъ бы васъ“. Меня это очень удивило, потому что я не видѣлъ ничего преступнаго въ своемъ посѣщеніи Павловкѣ. Изъ словъ П. я узналъ, что раньше въ селѣ не было урядника, но вотъ нѣсколько лѣтъ какъ его назначили. Урядникъ очень часто совсѣмъ впезанно „набѣгаетъ“ въ хату сектанта и, если видитъ въ хатѣ другого сектанта, часто пришедшаго по сосѣдскому дѣлу, обвиняетъ ихъ въ сектантскомъ молитвенномъ собраніи и доноситъ объ этомъ земскому начальнику, который штрафуетъ ихъ. Постороннихъ же посѣтителей арестуетъ. Сектантамъ съ православными тоже запрещено общаться, а также имъ совершенно запрещено ходить на заработки, что конечно очень сильно отразилось на ихъ матеріальномъ благосостояніи и многихъ повергло въ самое безвыходное положеніе. Только послѣднее время, какъ они задумали переселиться, пересталъ теперешній урядникъ мѣшать имъ собираться для переговоровъ.

Скоро вошли еще человека четыре сектантовъ, которыхъ успѣли извѣстить о моемъ пріѣздѣ. Я рассказалъ имъ обо всѣхъ условіяхъ переселенія, о томъ какъ трудно переселиться при ограниченныхъ средствахъ, и о томъ какъ бѣдствовали въ началѣ Духоборы въ Канадѣ. Я прочелъ имъ нѣсколько писемъ изъ Канады съ описаніемъ условій страны и письмо Л. Н. Толстого, которое онъ просилъ меня передать имъ. Въ письмѣ онъ говорилъ, что онъ — противъ переселенія, и уговаривалъ ихъ спокойно жить на родинѣ.

Мнѣ хотѣлось, чтобы они знали все по поводу переселенія и рѣшали бы сами.

Утромъ, до разсвѣта въ хату собрались еще человекъ десять, и мы опять разговаривали о томъ же, и они мнѣ рассказывали, что хотя большой „тѣсноты“ нѣтъ, но ужъ очень докучны мелкія придирки мѣстныхъ властей и духовенства, просто не въ терпежъ становится.

Я оставилъ всѣ письма, которыя привезъ, у нихъ и условился, что если они рѣшатъ переселиться, то напишутъ мнѣ, и уѣхалъ.

Оставили они на меня впечатлѣніе очень разумныхъ людей безъ всякой экзальтаціи.

Черезъ нѣсколько времени я получилъ отъ крестьянина П., у котораго я останавливался, письмо о томъ, что тотчасъ послѣ моего отъѣзда пришелъ урядникъ и старался допытаться, кто у него былъ. П. писалъ также, что они, получивъ высочайшее разрѣшеніе, подали прошеніе губернатору для полученія заграничныхъ паспортовъ и потому просятъ меня пріѣхать къ нимъ вторично, чтобы окончательно дать всѣ свѣдѣнія, какъ надо переселиться. Онъ предупреждалъ меня, что урядникъ очень слѣдитъ, какъ бы кто не пріѣхалъ опять въ Павловки, такъ какъ узналъ о моемъ посѣщеніи тотчасъ, какъ я уѣхалъ изъ Павловкѣ. Урядникъ даже разыскалъ крестьянина, который везъ меня со станціи, и говорилъ ему: „вотъ дуракъ, ты бы его ко мнѣ привезъ, я бы пять рублей тебѣ за это заплатилъ.“ Потомъ онъ созвалъ всѣхъ другихъ извозчиковъ и велѣлъ имъ, если кто пріѣдетъ, то чтобы везли бы прямо къ нему, обѣщая хорошую плату.

Думая, что урядникъ самъ изъ усердія принимаетъ эти мѣры, и не желая имѣть съ нимъ дѣла, я въ концѣ февраля поѣхалъ въ Харьковъ къ губернатору; къ сожалѣнію самъ губернаторъ былъ по дѣламъ службы въ Петербургѣ, но принялъ меня вице-губернаторъ Осоргинъ. Я ему сказалъ, что желаю поѣхать въ

Павловки, для подачи совѣтовъ переселенцамъ, но урядникъ почему то препятствуетъ этому, и потому я прошу начальника губернии, дать распоряженіе уряднику не препятствовать мнѣ видѣться съ крестьянами. Осоргинъ отвѣтилъ мнѣ, что никакого распоряженія онъ дать уряднику не можетъ, потому что начальникъ губернии, зная о моемъ первомъ посѣщеніи Павловокъ, далъ распоряженіе арестовать меня, если я приѣду туда вторично. На это я возразилъ ему, что вѣдь сектанты получили высочайшее разрѣшеніе на переселеніе. „Мы не препятствуемъ имъ переселяться, но запрещаемъ помогать кому бы то ни было имъ въ переселеніи“, — отвѣтилъ вице-губернаторъ.

Въ Павловки я не поѣхалъ, а сталъ вести переписку съ крестьянами. Они были совсѣмъ готовы къ переселенію: если кто не распродалъ еще своего имущества, то тотъ ужъ получилъ на него задатокъ, который затратилъ на кой-какую одежду, чтобы не ѣхать въ лохмотьяхъ.

Но вдругъ я получаю отъ нихъ извѣстіе, что паспорта выдаютъ только всѣмъ, не подлежащимъ къ военной повинности и не находящимся въ запасѣ, то есть старикамъ женщинамъ и дѣтямъ. Конечно при такихъ условіяхъ ни одно семейство не рѣшилось выѣхать, такъ какъ не могли ѣхать безъ мужей, братьевъ и сыновей — главныхъ работниковъ. Такимъ образомъ высочайшее разрѣшеніе было обойдено.

Крестьяне были готовы переселиться и въ этомъ видѣли выходъ изъ своего тяжелого положенія. И вдругъ такое разочарованіе. Придирки и стѣсненія увеличились еще, а выхода никакого. Я думаю, что все это могло подготовить почву для всего совершившагося 16 сентября.

Я считаю своей обязанностью опубликовать эти подробности, которыя могутъ пролить свѣтъ на положеніе несчастныхъ, понавшихъ въ ловушку Павловскихъ крестьянъ. А.

2.

Письмо Павловскаго крестьянина къ Л. Н. Толстому.

3 Ноября 1901 года.

Пишу, я вамъ, Л. Н., о Павловскихъ новостяхъ: явился какой-то проходимецъ и обманулъ своими хитрыми словами штурдистовъ и православныхъ и привелъ сихъ людей, до убійства, такъ что отнялъ чувства здравья и усилилъ въ нихъ какое-то другое, въ родѣ сумасшествія; такъ что вы, дорогой Л. Н., слышали можетъ-быть про — Молеванцовъ, и оно очень похоже на эту секту, и такимъ дѣломъ бросились на церковь, и сломали всю внутренность церкви, и пошли дальше до другой церкви, тамъ ихъ люди встрѣтили и побили до полусмерти, даже одного человѣка, штурдиста, убили на смерть. Это происхожденіе было 16 сентября, и до сего времени сидятъ въ тюрьмѣ — около 50 душъ мужчинъ и 25 женщинъ! Просимъ васъ, дорогой покровитель Л. Н.! чѣмъ можете, тѣмъ и защитите, у насъ по всѣхъ Павловкахъ стоятъ полиція, и тяжелое давленіе на людей...

3.

Изъ частнаго письма въ редакцію.

...Изъ всѣхъ добываемыхъ свѣдѣній все болѣе и болѣе подтверждаются первоначальныя предположенія о личности этого господина.*) Оказывается, на примѣръ, что онъ владѣетъ иностранными языками, жилъ въ Петербургѣ, съ виду аристократъ (?) и прочее. Когда онъ временно былъ арестованъ, то за нимъ шла въ городъ толпа въ 40 человѣкъ, и многіе изъ этой толпы ходили по городу и приглашали здѣшнихъ бантистовъ и другихъ принять участіе въ предполагаемомъ тогда разгромѣ. Слухи доходили и до людей съ общественнымъ и административнымъ положеніемъ, такъ что *все* знали объ этомъ за *нѣсколько* дней. Слѣдствіе же никакъ не можетъ установить личность пророка и склонно думать, что „и не важно.“ Онъ де „только подвинулъ, инициатива же ихъ самихъ.“ Было изъ Питера лицо и, какъ видно, дало дѣлу желательное ему направленіе... Д.

4.

Изъ Харьковской губерніи.

Къ тому, что уже вамъ извѣстно по интересующему васъ дѣлу, конечно, выясняется все больше самыхъ удивительныхъ подробностей (если въ наше время можно чему-нибудь удивляться). Тутъ сказались и сила гипноза, и новый способъ

привести людей въ это состояніе, выяснилось и то, что далеко не всѣ поддавались гипнозу, а только человѣкъ пять или десять, и то въ разныхъ степеняхъ, остальные были частью зрителями въ толпѣ односельчанъ православныхъ, которые по почину, конечно, нѣсколькихъ человѣкъ протестантовъ и совершили самый погромъ. А большая часть ихъ не только не принимала участія въ этой процессіи, но вовсе отсутствовала — ихъ уже послѣ забирали и по домамъ, и въ полѣ и подвергали той же участи, что и первыхъ (т. е. избивали и арестовывали).

Подождемъ разбора дѣла: авось яснѣе будетъ, кто дѣйствовалъ подъ вліяніемъ гипноза, кто въ силу своихъ убѣжденій, кого увлекло теченіемъ, а кто и вовсе не участвовалъ. Сначала всѣ почти отказывались отъ защиты, по затѣмъ многіе приняли ее, даже обратились съ просьбой, что и было желательно въ интересахъ возможнаго выясненія обстоятельствъ дѣла. Будутъ защищать четыре москвича, а предварительная работа вся дѣлалась и дѣлается однимъ мѣстнымъ юристомъ, который весь отдается этому дѣлу, и при содѣйствіи другихъ лицъ, близко знающихъ.

Разбираться дѣло будетъ 28 января при закрытыхъ дверяхъ.

Свѣдѣнія о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ и выдержки изъ его писемъ.

(Составлено В. Чертковымъ).

Мы продолжаемъ сообщать свѣдѣнія о Львѣ Николаевичѣ, потому что знаемъ, какъ дорожатъ многіе изъ нашихъ читателей возможностью хоть изрѣдка получать подобныя сообщенія изъ достовѣрнаго источника. Къ тому же, въ самой Россіи, разглашеніе свѣдѣній даже о домашней обстановкѣ и временипрепровожденія Л. Н.-ча уже составляетъ чуть ли не политическое преступленіе, такъ какъ правительство, усмотрѣвъ въ такихъ сообщеніяхъ государственную опасность, запретило что либо объ этомъ печатать въ газетахъ. Вслѣдствіе этого, отъ времени до времени распространяются слухи о его смерти, и взволнованное русское общество вынуждено путемъ частныхъ справокъ, передаваемыхъ изъ рукъ въ руки, добиваться достовѣрныхъ свѣдѣній о судьбѣ того русскаго человѣка, личность котораго въ настоящее время больше всякой другой интересуется все сознательное человѣчество.

Пребываніе на южномъ берегу Крыма продолжаетъ оказывать благотворное вліяніе на состояніе здоровья Льва Николаевича, не смотря на то, что въ концѣ декабря онъ опять подвергся сильному приступу болѣзни. Онъ нѣсколько дней страдалъ сердцемъ и ревматизмами и очень ослабѣлъ. Послѣ того силы его стали быстро восстанавливаться, и послѣдующія извѣстія отъ него и о немъ были самыя утѣшительныя. Но въ самыхъ послѣднихъ письмахъ опять сообщается о сильныхъ приступахъ перебоевъ сердца, болей въ сердцѣ и печени и возобновеніи по временамъ общей слабости. Вообще организмъ его очевидно переживаетъ такое состояніе, при которомъ періоды физической бодрости смѣняются приступами различныхъ недомоганій. То онъ бываетъ такъ слабъ, что дѣтямъ его приходится его одѣвать, умывать, носить по лѣстницамъ, то, на слѣдующій же день, опять почувствовавши силу, онъ неожиданно для всѣхъ исчезаетъ изъ дому, совершая прогулки нѣшкомъ по горамъ въ 6 - 7 верстъ, или поѣздки верхомъ въ 12 верстъ. Друзья, давно не видавшіе его, поражаются его удивительною свѣжестью и энергіею и удивляются, какъ онъ замѣчательно сохранился; когда же онъ бываетъ очень уставшимъ, то временно кажется состарѣвшимся и одряхлѣвшимъ. Духомъ онъ, по обыкновенію, спокоенъ, свѣжъ и бодръ. Во время приступовъ болѣзни онъ продолжаетъ быть веселъ, разговорчивъ, утѣшаетъ домашнихъ, когда они падаютъ духомъ при ухудшеніяхъ въ его состояніи, повторяя: „все прекрасно“, и, какъ всегда, ко всѣмъ и каждому трогательно ласковъ и внимателенъ. Лишь только возможно, онъ пишетъ, еще не оставивши постели. Крымская природа, море, лунныя ночи, чудная растительность — для него непрерывный источникъ наслажденія...

Одинъ другъ, недавно видавшій его, пишетъ намъ изъ Крыма, отъ 23 декабря с. с.:

*) Выдававшего себя за пророка.

„... Л. Н. кончил „О Религии“, хотя мнѣ иногда кажется, что онъ начнетъ просматривать ее вновь. Оно замѣчательно по силѣ мысли и по глубинѣ, съ какой разбирается этотъ важный вопросъ. Мнѣ кажется, что это самое важное сочиненіе Л. Н. и я благодарю Бога, что дожился до этого времени... Спорить, возражать на него невозможно, а при чтеніи его сразу становится понятнымъ наше отношеніе къ міру.

„Сейчасъ Л. Н. пишетъ о свободѣ совѣсти, и, удивительное дѣло, казалось: что можно было бы сказать поваго по этому поводу? а между тѣмъ статья эта удивительна по силѣ и оригинальности...“

* * *

Изъ писемъ Л. Н. Толстого послѣдняго времени.

1

По поводу „Толстовскаго Общества“.

На просьбу одного англійскаго кружка (въ Манчестерѣ) читателей Л. Н. Толстого, наименовавшего себя „Толстовскимъ Обществомъ“, о томъ, чтобы онъ откликнулся нѣсколькими словами на ихъ дѣятельность, Л. Н. Толстой отвѣтилъ имъ слѣдующимъ письмомъ, отъ 15 августа прошлаго года, которое мы припомнимъ въ переводѣ съ англійскаго:

„Дорогой другъ, вы правы, предполагая, что я долженъ быть заинтересованъ „Толстовскимъ Обществомъ“. Но я жалѣю, что во мнѣ еще сохранилось достаточно тщеславія для того, чтобы быть заинтересованнымъ имъ. Я всегда былъ того убѣжденія, — и оно не можетъ измѣниться, — что быть членомъ стараго общества, учрежденнаго Богомъ при началѣ сознательной жизни человѣчества, болѣе производительно для себя и для человѣчества, чѣмъ быть членомъ ограниченныхъ обществъ, организуемыхъ нами для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя мы въ состояніи сознать. Я думаю, что предпочтеніе, оказываемое нами нашимъ собственнымъ обществамъ, происходитъ отъ того, что роль, которую мы играемъ въ нихъ, представляется намъ гораздо болѣе важною, чѣмъ та, которую мы исполняемъ въ великомъ Божьемъ обществѣ. Но это только самообманъ: всѣ три вида дѣятельности, упомянутыя вами въ вашемъ письмѣ, вѣрнѣе достижимы человекомъ, считающимъ себя членомъ великаго Божьяго общества, нежели членомъ „Толстовскаго Общества“. Такой человекъ, если онъ искрененъ, — какъ я знаю, что вы искренни, — будетъ, во-первыхъ, распространять, насколько можетъ, тѣ мысли, которыя доставили ему душевное удовлетвореніе и энергію жизни, не заботясь о томъ, Толстого ли онъ или кого-либо другого. Во-вторыхъ, онъ будетъ всѣми силами стараться вызывать людей къ высказыванію ихъ мнѣній о самыхъ важныхъ вопросахъ жизни. Въ-третьихъ, онъ будетъ стремиться доставлять каждому, съ кѣмъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе, столько радости и счастья, сколько онъ въ состояніи; а также будетъ помогать тѣмъ, которые впадаютъ въ затрудненія отъ твердаго слѣдованія ученію Христа. Человекъ, принадлежащій къ великому Божьему обществу, кромѣ того, исполнивъ и много другихъ христіанскихъ поступковъ, которые не были ни предвидѣны, ни опредѣлены ни „Толстовскимъ Обществомъ“, ни какимъ бы то ни было другимъ. Я допускаю, что существуютъ нѣкоторыя выгоды въ соединеніи людей одинаковыхъ мыслей въ общества; но думаю, что невыгоды такихъ организацій гораздо значительнѣе, чѣмъ ихъ удобства. И потому я сознаю, что для меня было бы большой потерей перемѣнить свое членство великаго Божьяго общества на кажущееся полезнымъ участіе въ какомъ бы то ни было человѣческомъ обществѣ.

Мнѣ жаль, дорогой другъ, расходиться съ вами во мнѣніи; но я не могу думать иначе“.

* * *

2

По поводу „Народныхъ Листковъ“. *)

(Въ отвѣтъ на письмо Н. М. Трегубова.)

„Листки“ я прочелъ, и листокъ о томъ, „Какъ поны поработили народъ ученіемъ Христа“ прекрасенъ, и я обѣими руками подписываю его. Хорошъ и листокъ „О штундѣ“.

Листокъ „Объ уличныхъ безпорядкахъ“ — очень жалкій. Онъ, кромѣ того что безразличенъ, — непрактиченъ и просто глупъ. Если бы я былъ правительствомъ, я бы печаталъ такіе листки на казенный счетъ и распространялъ въ миллионѣхъ экземпляровъ. Ничто болѣе основательно не можетъ подорвать или сдѣлать невозможнымъ довѣріе народа къ людямъ, раздѣляющимъ взгляды того, что тамъ написано, какъ такіе листки.

Безразлично то, что предлагаетъ листокъ, потому что, если солдатъ доведенъ цѣлымъ рядомъ винушей (гиппоза) до того, что онъ поставленъ въ необходимость или убивать, или пестить тяжкія страданія, и кромѣ того такъ затуманенъ, что не видитъ грѣха убійства, — человекъ, который бы послушалъ составителя листка, будетъ приготовляться къ убійству и совершать его, не вызванный къ этому ничѣмъ, кромѣ весьма сомнительныхъ утверженій составителя листка, что отъ совершеннаго имъ убійства ему и его братьямъ будетъ лучше жить на свѣтѣ.

Непрактично то, что предлагаетъ листокъ потому, что немислимо, чтобы безоружные, недисциплинированныя люди могли отнять оружіе у вооруженныхъ и дисциплинированныхъ, и если бы, на что есть одинъ шансъ изъ тысячи, гдѣ нибудь и случилось это, то эти отнявшіе оружіе были бы сейчасъ же задавлены настоящими войсками изъ другихъ мѣстъ.

Глупо же это потому, что готовится къ убійству тѣмъ людямъ, которые хотятъ освободиться отъ убійствъ и угрозъ убійства, значить дать своимъ врагамъ единственный законный поводъ употребить противъ нихъ всевозможныя насилія и даже убійства и оправдывать всѣ прежде совершенныя.

Заявлять о томъ, что я не солидаренъ съ людьми, раздѣляющими взгляды листка объ уличныхъ безпорядкахъ, — я полагаю излишнимъ. Я скоро 30 лѣтъ со всѣхъ сторонъ повторяю одно и то же, — что все дѣло въ духовномъ состояніи людей, что всякое насиліе есть грѣхъ, а насиліе тѣхъ, которые борются противъ насилія, есть безуміе. И потому искренній человекъ не смѣшаетъ меня съ насильниками революціонерами; а что неискренній можетъ взвести на всякаго какую ему нужно клевету — противъ этого ничѣмъ не оградись, да и не нужно.“

2 (15) декабря 1901 г.

Письмо духобора изъ Канады.

(Къ П. Бирюкову.)

Дорогой и добрый нашъ другъ и братъ П. И.!

Присланные вами намъ всѣ листки „Свободной Мысли“ разныхъ номеровъ мы своевременно получали и получаемъ полностью. За сочувствіе и любовь вашу къ намъ приносимъ вамъ душевную нашу искреннюю благодарность. Много есть интереснаго и душеполезнаго въ вашемъ изданіи, что и служитъ большимъ подкрѣпленіемъ для немощныхъ, въ особенности, когда читаешь или слышишь о тѣхъ истинныхъ поборникахъ свободы, которые мужественно съ терпѣніемъ и кротостью и надеждою на Господа переносятъ всѣ постигающія ихъ невзгоды и испытанія за истину Христа Спасителя. Что и приводитъ въ восторгъ душу и сердце, однимъ словомъ сердце

*) Изданіе анонимной революціонной группы въ Женевѣ.

рвется заодно бороться, но часто видишь свои несправности или, вѣрнѣе сказать, часто попадаешь въ искушенія соблазновъ, что и приводитъ къ такому непостоянству, что и есть печальнѣй всего, а потому тогда является духъ сомнѣнія, а въ послѣдствіи становится очень тяжело тѣмъ сомнительнымъ людямъ, которые не имѣютъ надежды на спасеніе Господне. И еще печально слышать о тѣхъ событіяхъ, которыя происходятъ въ Россіи въ настоящее время, потому что рука немилосерднаго тирана поражаетъ скорбяща и любяща материнскія сердца, гдѣ сѣнями и даже тысячами лишаются люди всего дорогого: отца, матери, родства, племени и подвергаются разнымъ мученіямъ и пыткамъ, часто даже и тѣлесной смерти, ради побѣды добра надъ зломъ. Печально это слышать; потому что вмѣсто вѣнчанной любви Господомъ Христомъ Спасителемъ, люди подѣлались врагами другъ другу и немилосердно угнетаютъ и мучаютъ одинъ другого, совершенно забывая о томъ, что всѣ люди вѣдъ одного общаго Отца Бога дѣти и между собой братья. Но вѣдъ гордость и злоба не позволяютъ всѣмъ открыть этого, ради блага сей земной кратковременной жизни и личной выгоды и наживы тѣхъ, которые стоятъ во главѣ и подѣлались духовными палачами, въ особенности попы и власти, которыя предчувствуютъ день разрушенія своего вѣствованія надъ людьми и видятъ день обличенія своего обмана, которымъ они много тысячелѣтій держали въ темнотѣ людей. А потому они напрягаютъ всѣ свои усилія и старанія, дабы хотя на нѣсколько лишнихъ дней продлить и удержать свою власть.

Но вѣдъ всѣ ихъ старанія по этому поводу остаются настолько-же тщетны, насколько тщетны желанія сомнительныхъ и невѣрныхъ людей о достиженіи царствія Господняго, не жившихъ и не желавшихъ жить праведной жизнью.

Но вѣдъ если же въ дѣйствительности всмотрѣться въ окружающій міръ, то таковыхъ людей нужно болѣе любить и жалѣть нежели ненавидѣть и презирать, что мы конечно частенько дѣлаемъ. Эти слова я болѣе говорю по отношенію самого себя: когда-то я, въ 1892-мъ году, поступалъ въ военную службу и, во время обученія ружейнымъ приѣмамъ и строевымъ маршировкамъ, голосъ совѣсти всегда присутствовалъ и говорилъ, что военная служба есть дѣло не хорошее, а дурное, и убійство есть величайшій грѣхъ, но другая мысль сосредоточивалась на томъ: что, во время военного дѣйствія не буду употреблять огнестрѣльнаго оружія въ дѣло, а пущать въ сторону, тѣмъ и достигнуть души своей спасенія; совершенно забывая о томъ, что, во время взятія жребія и поступленія въ службу, отрекся отъ всего родства и братій своихъ и клятвенно пообѣщавъ исполнять въ точности всѣ правительственные законы и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожать враговъ государя, хотя-бы въ числѣ этихъ враговъ были мои родные отецъ и мать.

Точь въ точь поступаютъ и тѣ люди, которые отстаиваютъ строй военщины и, вмѣстѣ съ подкупленнымъ за большія деньги духовенствомъ или, вѣрнѣе сказать, попами, немилосердно угнетаютъ и тиранятъ тѣхъ истинныхъ поборниковъ добра и правды, на подобіе какъ хищные волки терзаютъ смиренныхъ и кроткихъ овецъ...

Повторяемъ, что много есть интереснаго и приходится по душѣ, хотя можетъ быть очень далеки мы къ совершенству тѣхъ мудрыхъ и кроткихъ поборниковъ, которые со всей стойкостью мужественно переносятъ всѣ постигающія ихъ несправности.

Но вѣдъ по возможности все-же стараемся подвигаться къ усовершенствованію самихъ себя, хотя, можетъ, и многіе изъ насъ претякаются о камень преткновенія мірскихъ соблазновъ и проводятъ дни своей жизни въ заботахъ и попеченіяхъ о земныхъ сокровищахъ, но это не должно смущать насъ, вѣрующихъ въ Господа, а по возможности стараться призывать въ помощь Господа и проводить жизнь въ любви къ окружающимъ...

Урожай у насъ сей годъ Господь послалъ на все; очень удовлетворительное лѣто было, — прохладное. Относительно нашего дѣла съ Канадскимъ правительствомъ ничего нѣтъ особеннаго, до сихъ поръ остается все по прежнему, что будетъ дальше — еще неизвѣстно.

Останься благонамѣренъ, слава Богу, братъ вашъ,

Федоръ И. Вышловъ.

10, декабря 1901. Село Благовѣщенское (На Принцѣ-Альбертѣ).

Послѣднія извѣстія.*)

Побоище въ Екатеринбургѣ.

Мѣстный комитетъ Рос. Соц. Дем. Рабочей Партіи выпустилъ прокламацію, въ которой рабочіе призывались къ демонстраціи въ субботу 15 (28) и въ воскресенье 16 (29) декабря. Въ субботу 15 (28) въ 4 ч. дня собралось на Проспектѣ до 400 ремесленниковъ и нѣсколько десятковъ студентовъ. Какъ только толпа двинулась по улицѣ, ее окружили городовые съ приставами во главѣ, они старались хватать изъ толпы отдѣльныхъ демонстрантовъ. Пристава и городского, которые загородили дорогу толпѣ, стащили съ лошадей и жестоко избивали. Тогда налетѣли на толпу казаки, и началось безчеловѣчное избиеніе. Били всѣхъ безъ разбору, били даже публику, ожидавшую трамваевъ у скрещенія трамвайныхъ линий. Вытаскивали изъ толпы отдѣльныхъ демонстрантовъ, били до потери сознанія, бросали въ стоявшія тутъ же повозки и отвозили въ участки. Рабочіе оборонялись чѣмъ пошло: палками, пожами, камнями, раздался даже выстрѣлъ. Послѣ 15-20 минутъ свалки толпа разсѣлась по паралельнымъ улицамъ; но и тамъ продолжалось избиеніе. Въ 6 часовъ явился губернаторъ и приказалъ приостановить бойню. Въ общемъ арестовано 104 рабочихъ и 17 студентовъ. Ранено множество. Избито и тяжело ранено нѣсколько полицейскихъ. Изъ толпы послышались обрывки пѣсень; раздавались частые возгласы; въ общемъ шумѣ чаще всего выдѣлялся возгласъ „свобода“! Этотъ возгласъ каждый разъ вызывалъ дружные взрывы аплодисментовъ, при вѣтствованіи громкимъ „ура!“ Послѣ бойни проспектъ имѣлъ видъ только что покинутого поля сраженія: лужи крови, изломанные заборы, сваленныя деревья, безпорядочныя кучки рабочихъ со слѣдами побоевъ. На слѣдующій день, въ воскресенье, казаки разгоняли публику, не давали останавливаться на улицахъ даже вдвоемъ...

Ходятъ слухи, что Келлеръ (губернаторъ) настаиваетъ на преслѣдованіи военнымъ судомъ, на основаніи статей о насильственномъ ниспроверженіи существующаго порядка. Возбужденіе въ городѣ неслыханное...

По поводу брошюры

„13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости“.

(Отъ Редакціи).

Въ виду нападокъ на насъ, появившихся въ различныхъ заграничныхъ русскихъ изданіяхъ въ связи съ „Замѣткой отъ Редакціи“, помѣщенной въ концѣ нашего изданія записокъ Людмилы Александровны Волкенштейнъ, считаемъ умѣстнымъ привести по этому поводу выдержку изъ письма, недавно полученнаго нами отъ самого автора этихъ записокъ:

Сахалинъ, 1 окт. 1901 г.

... Вы спрашивали меня по поводу вашего послѣсловія къ моимъ запискамъ: не сочла ли я его неумѣстнымъ въ изданіи? Вопросъ этотъ вы поставили, вслѣдствіе возникшаго неудовольствія на ваши замѣтки въ статьяхъ, разпачившихся съ общимъ направленіемъ вашего изданія. Сейчасъ я прочла еще разъ „Замѣтку отъ редакціи“ къ моимъ запискамъ и вынесла впечатлѣніе очень теплаго и даже сочувственнаго отношенія къ людямъ, пострадавшимъ отъ гоненій правительства, въ безкорыстной борьбѣ съ нимъ. Вы не сочувствуете средствамъ борьбы, называя зломъ такой родъ дѣятельности, и какъ бы подчеркиваете сочувствіе къ людямъ, а не къ дѣлу. Да! по это истекаетъ изъ вашего убѣжденія; но не изъ желанія подчеркнуть несогласіе. — напротивъ: доброе, мягкое сочувствіе къ мотивамъ дѣятельности этихъ людей преобладаетъ. Вотъ мое искреннее мнѣніе, по поводу изданія моихъ записокъ...

Людмила Волкенштейнъ.

*) Изъ № 32 бюллетеней „Заграничнаго Комитета всеобщаго Еврейскаго рабочаго союза“, 16 января 1901 года.

Библиографическая замѣтка.

„Искра“ №№ 7 и 8 за 1901 г. — Мы не намѣреваемся здѣсь вдаваться въ оцѣнку или въ критику газет „Искра“, служащей однимъ изъ органовъ русской революціонной социалдемократической партіи. Читатели, знакомые съ нашими убѣждениями, знаютъ, что направленію этой партіи мы можемъ сочувствовать только отчасти, расходясь съ нею какъ въ основныхъ взглядахъ на жизнь, такъ и въ приѣмахъ практической дѣятельности. Но мы всегда рады, когда можемъ хоть въ чемъ-нибудь сходиться съ людьми разныхъ съ нами убѣждений. Цель нашихъ изданій состоитъ, главнымъ образомъ, въ доставленіи нашимъ читателямъ свѣдѣній и статей, имѣющихъ особенное значеніе съ нашей точки зрѣнія, и для этого мы пользуемся, между прочимъ, нелегальной литературой, беря изъ нея то, что, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія нашихъ читателей, до которыхъ, быть можетъ, не доходятъ революціонныя изданія.

Въ послѣднихъ выпускахъ „Искры“ появился, по нѣкоторымъ серьезнымъ вопросамъ русской жизни, рядъ весьма содержательныхъ статей, коснуться которыхъ мы здѣсь можемъ, къ сожалѣнію, только вкратцѣ.

Въ № 7 (августъ) въ статьѣ, озаглавленной „Слезы стараго Крокодила“, обличается ложь и лицемеріе оберъ-прокурора Синода, Побѣдоносцева, въ его „всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1898 г.“ (опубликованномъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ въ 1901 г.). Приводимъ изъ нея слѣдующія выдержки:

„... Разсказъ о томъ, что штундисты грубостію и даже насиліемъ отвѣчаютъ на приказъ полиціи прекратить собраніе — принадлежитъ также къ числу самыхъ несомнѣнныхъ вымысловъ. Десятки дѣлъ о „незаконныхъ“ молитвенныхъ собраніяхъ разбираются мировыми судами, и въ составленныхъ полиціей протоколахъ никогда не говорится о „бунтѣ“ сектантовъ, и послѣдніе никогда не обвиняются въ сопротивленіи властямъ. Но, продолжаетъ г. Побѣдоносцевъ, „отъ посѣщенія пастырскихъ и миссіонерскихъ собесѣдованій штундисты упорно уклоняются; изъ народныхъ школъ своихъ дѣтей стараются брать тотчасъ же послѣ выучки первоначальной грамоты, устраивая тѣмъ доброе православно-просвѣтительное вліяніе школы на молодое поколѣніе секты“. Какой броней лицемерія надо, однако, запастись, чтобы ставить сектантамъ въ вину, что они „упорно уклоняются“ отъ посѣщенія пастырскихъ и миссіонерскихъ собесѣдованій! Вѣдь такія собесѣдованія ведутся сплошь и рядомъ въ невозможно тяжелой для сектантовъ обстановкѣ: въ присутствіи чиновъ полиціи, слѣдящихъ за тѣмъ, кто что говоритъ: въ присутствіи нафанатизированной толпы православныхъ, готовыхъ въ своей темнотѣ разорвать „нераскаянныхъ еретиковъ“; вѣдь въ этихъ „собесѣдованіяхъ“ одна сторона „бесѣдуетъ“, опираясь на покровительство закона, имѣя возможность въ спорѣ съ противникомъ развить всѣ свои доводы; другая же сторона должна защищать правоту своего ученія подъ страхомъ кары за каждое правдивое слово, зная, что разъясненіе ея ученія считается по закону тяжкимъ преступленіемъ и сверхъ закона можетъ навлечь на нее самыя неприятыя послѣдствія.

„Мудрено ли, что сектанты „уклоняются“ отъ такихъ „собесѣдованій“, напоминающихъ Щедринскій разговоръ торжествующей свиньи и оголодавшей Правды. Удивительно ли и то, что сектанты не желаютъ держать своихъ дѣтей въ тѣхъ школахъ, гдѣ ихъ заставляютъ учить тотъ „Законъ Божій“, который родители считаютъ неправдой?

„Но для г. Побѣдоносцевыхъ нежеланіе подчиниться этому принужденію есть одно изъ доказательствъ „упорства“. Г. Побѣдоносцевы твердо увѣрены, что „карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ“, и когда въ крестьянскихъ карасяхъ встрѣчается нежеланіе безропотно жариться, то начинаютъ кричать объ ихъ злой волѣ, объ ихъ упорствѣ и дерзости...

„... Горькія слезы льетъ нашъ крокодилъ по поводу того обстоятельства, что мужицкое сектантское движеніе начинаетъ находить откликъ на поверхности общественной жизни, привлекая къ себѣ нѣкоторые элементы интеллигенціи. „Пронаганда этихъ ложныхъ идей и возрѣній (говоритъ Побѣдоносцевъ) идетъ въ средѣ народнаго сектантства на почвѣ сближенія интеллигентныхъ послѣдователей этихъ лжеученій (толстовства) съ главарями штундовой секты.“ И далѣе: „Въ числѣ другихъ причинъ, порождающихъ въ средѣ народнаго сектантства бро-

женіе, миссіонерскіе отчеты указываютъ также и на агитацію въ пользу мнимо-угнетенныхъ сектантовъ... со стороны нѣкоторой, именующей себя либеральной, части нашего общества, въ послѣднее время особенно покровительствующей сектантамъ, поддерживающей съ ними п личныя, и письменныя сношенія и тѣмъ самымъ сильно питающей въ нихъ увѣренность въ дарованіи будто бы полной свободы ихъ лжеученію“.

„Да, покровители виноваты, это несомнѣнно. По милости этихъ покровителей теперь уже нельзя въ тиши души и истязать „отпавшихъ отъ истинной церкви“; нѣтъ, нѣтъ и проскочить что-нибудь въ печать русскую или заграничную. Бѣдный крокодилъ вспомнилъ, должно-быть, неприятыя шумъ, который поднялся по поводу его попытки отнять у мужиковъ-молоканъ ихъ дѣтей для воспитанія въ православной вѣрѣ. Въ тотъ разъ заступничество Л. Н. Толстого и его агитація за „мнимоугнетенныхъ“ молоканъ заставили крокодила захлопнуть уже разверзтую пасть...“

„... Иногда штундисты отъ словъ переходятъ къ дѣлу, что, по свидѣтельству преосвященнаго херсонскаго, подтвердило ихъ участіе въ тайномъ движеніи среди рабочихъ города Николаева...“ (говоритъ Побѣдоносцевъ).

„... Г. Побѣдоносцевъ только „забылъ“ пояснить, что обвиненныя имъ лица участвовали въ „Союзѣ“ не какъ штундисты, но какъ социалисты, переставъ быть сектантами. Въ нашихъ рядахъ насчитывается не мало рабочихъ, которые до знакомства съ социализмомъ, прошли черезъ сектантство. Но дѣлать отсюда выводъ, что сектантство есть тотъ же социализмъ, могутъ только преосвященные и Побѣдоносцевы...“

Въ № 8 „Искры“ (сентябрь) есть статья о винной монополіи, подъ заглавіемъ: „Царскій кабакъ“, сокращенное содержаніе которой мы приводимъ своими словами:

Вводя винную монополію, правительство увѣряло, что реформа эта имѣетъ въ виду „не цѣли фиска (казны) и доходности, а нравственныя интересы народа, его оздоровленіе и подъемъ его благосостоянія“. Это заявленіе представляетъ верхъ лицемерія. Реформа была чрезвычайно выгодна казнѣ, но никакого „оздоровленія и подъема благосостоянія“ народа отъ нея ожидать нельзя. Она была вызвана необходимостью найти новый источникъ доходовъ послѣ голода 1891—1892 г., сильно пошатнувшего правительственныя финансы. Сущность реформы заключается въ томъ, что прибыль кабатчиковъ должна быть раздѣлена между помѣщиками и государствомъ. Результатъ этой реформы таковъ: крестьянскія общества 35-ти губерній понесли потерю приблизительно въ 35 мил. руб. (по разсчету Бородина), лишившись права получать плату съ содержателей кабаковъ, шедшую на уплату повинностей, на устройство школъ, починку дорогъ и т. д. Крестьяне, конечно, не получили никакого вознагражденія за эту потерю. Зато донское казачье войско получило вознагражденіе въ 230,000 руб., отчасти были вознаграждены города и земства, а дворянство юго-западныхъ губерній за потерю проинаціоннаго права (дохода съ кабаковъ) получило вознагражденіе въ нѣсколько милліоновъ.

Правительству реформа также выгодна. Насколько именно увеличился его доходъ опредѣлить еще трудно, несомнѣнно только, что онъ возросъ значительно. Каждое ведро даетъ правительству 86 коп. чистаго дохода. Наконецъ реформа несомнѣнно выгодна подрядчикамъ и чиновникамъ, нагрѣвающимъ руки при постройкѣ винныхъ складовъ.

Съ другой стороны пьянство, повидимому, скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось; измѣнилась лишь его форма. Увеличилась также и тайная продажа вина. Лицемеріе же правительства, увѣряющаго, что цѣль реформы — борьба съ пьянствомъ, видно уже изъ того, что управляющіе акцизными сборами, руководствуясь интересами фиска, обыкновенно высказываются противъ ходатайствъ крестьянскихъ обществъ о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ.*) Такимъ образомъ правительственныхъ преимуществъ отъ казенной монополіи на дѣлѣ не оказывается; но выгоды ея для правительства и помѣщиковъ несомнѣнна.

Ред.

*) А также укажемъ отъ себя на тотъ заведенный порядокъ, по которому сдѣланы въ заведеніяхъ (1, 2 и 3 разрядовъ) получаютъ прибавки жалованія и переводъ въ высшій разрядъ въ зависимости отъ количества проданной водки. Гед.

Заявление отъ Редакции.

Приватъ-доцентъ С. Петербургскаго университета Грибовскій обратился къ намъ съ просьбою опубликовать его опроверженіе нѣкоторыхъ касающихся его свѣдѣній, помѣщенныхъ въ *Бюллетень 22-го Организационнаго Комитета С. Петербургскаго Университета* отъ 30 марта 1899 года, приведенномъ на стр. 41 и 42 нашего изданія „*Студенческое Движеніе 1899 года*.“ Въ опроверженіе бюллетеня, г. Грибовскій утверждаетъ, что онъ не заявлялъ о своемъ намѣреніи не производить экзаменовъ, и что студентъ Аперъ былъ его слушателемъ, а не личнымъ знакомымъ. Считаемо долгомъ дать мѣсто этой оговоркѣ, хотя мы, съ своей стороны, не видимъ въ ней особеннаго значенія, такъ какъ главный фактъ участія г. Грибовскаго въ производствѣ экзаменовъ, при указавшихъ въ бюллетенѣ условіяхъ, остается на лицо. В. Ч.

Почтовый ящикъ.

— Лицъ, сочувствующихъ положенію притѣсняемыхъ правительствомъ русскихъ окраинъ, очень просимъ присылать намъ корреспонденціи и статьи по этому предмету и содѣйствовать нахожденію средствъ для ихъ изданія. Въ редакціи уже имѣется весьма цѣнный историческій обзоръ „*Притѣсненіе Литвы*“, отъ 60-хъ годовъ до настоящаго времени“, который былъ бы немедленно изданъ, при полученіи необходимыхъ для этого средствъ.

— Просимъ убѣдительно нашихъ читателей прислать намъ извѣстное стихотвореніе „*Цвѣти*“ (сонъ Побѣдоносцева), ходившее по рукамъ въ прошломъ году, послѣ отлученія отъ церкви Л. Н. Толстого.

— Полученныя корреспонденціи: 1) „Объ истязаніи дѣвочки въ полицейскомъ участкѣ“ изъ Тамбова, 2) изъ Кишинева и другія письма въ редакцію, за недостаткомъ мѣста, отложены до слѣдующихъ номеровъ.

— Статьи: „Изъ міра сектантовъ“, „О Канадскихъ духоворахъ“ и „Обзоръ рабочаго движенія въ Россіи“ отложены до слѣдующаго номера, такъ какъ опоздали къ этому.

— Получены пожертвованія въ 1902 году:

1) Отъ Б. — собранныя въ Германіи 520 марокъ, на продолженіе изданія „*Полнаго Собранія Сочиненій Л. Н. Толстого*“
2) Отъ А. — 200 рублей на изданіе „*Матеріаловъ о Сектанствѣ*“.

— Лицъ, присылающихъ намъ денежную помощь на наше издательское дѣло, мы просимъ обозначать, для какой именно отрасли нашихъ изданій они предназначаютъ свои пожертвованія. Въ случаѣ присылки безъ указанія, деньги будутъ употреблены на изданіе писаній Л. Н. Толстого.

— Пожертвованія изъ Россіи намъ можно, удобнѣе всего, присылать черезъ: 1) любой заграничный банкъ въ Россіи; 2) живущаго за границей или ѣдущаго за границу знакомаго жертвователю; 3) кого-либо изъ нашихъ близкихъ друзей въ Россіи.

— Весьма ограниченныя средства, какъ наши личныя, такъ и выручаемыя отъ продажи нашихъ книгъ, мы впредь намѣрены посвящать исключительно на изданіе писаній Л. Н. Толстого.

— Предупреждаемъ лицъ, сочувствующихъ нашему періодическому органу „*Свободное Слово*“, что для его изданія у насъ въ настоящее время остается въ кассѣ достаточно средствъ только на одинъ послѣдующій выпускъ, № 3.

Разсылается бесплатно Каталогъ изданій „*Свободнаго Слова*“, содержащій 71 наименованіе брошюръ съ краткимъ конспектомъ ихъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Лицъ, желающихъ получать „*Свободное Слово*“, просимъ выслать намъ подписной взносъ. Въ противномъ случаѣ дальнѣйшіе выпуски высылаются не будутъ. Въ случаѣ прекращенія или приостановки когда либо этого періодическаго обозрѣнія, за недостаткомъ пожертвованій, — безъ которыхъ оно, какъ и всякое нелегальное заграничное русское изданіе, существовать не можетъ, — подписчикамъ будетъ предоставлено на причитающійся имъ остатокъ съ внесенной подписной суммы выписать по нашему каталогу любя изъ остальныхъ нашихъ изданій.

Готовятся къ печати только что полученные нами отъ Льва Николаевича Толстого *новыя* его произведенія:

1) „Что такое религія и въ чемъ ея сущность?“ — выйдетъ отдѣльной книгой.

2) „Солдатская памятка“ и 3) „Офицерская памятка“ — выйдутъ отдѣльной брошюрой, и

4) „О вѣротерпимости“ — выйдетъ въ видѣ отдѣльнаго *Приложенія* къ „*Свободному Слову*“ и будетъ разослана подписчикамъ бесплатно.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Л. Н. ТОЛСТОГО

запрещенныхъ русской цензурой.

ВСТУПЛЕНІЕ

КЪ КРИТИКѢ ДОГМАТИЧЕСКАГО БОГОСЛОВІЯ И
ИЗСЛѢДОВАНІЮ ХРИСТІАНСКАГО УЧЕНІЯ

(ИСПОВѢДЬ).

Цѣна 75 коп. съ пересылкой. Для Россіи — цѣна удвоенная.

Скорость появленія слѣдующихъ томовъ будетъ зависѣть отъ поступающихъ на ихъ изданіе пожертвованій.

Типографія издательства „СВОБОДНОЕ СЛОВО“.
Christchurch, Hants, Англія.

АРХИВЪ МАТЕРІАЛОВЪ КЪ ИСТОРИИ И ИЗУЧЕНІЮ РУССКАГО СЕКТАНТСТВА при редакціи „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

Сектантское движеніе въ Россіи, разростаясь съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе нашего общества и литературы.

Цензурныя условія въ Россіи, столь плотно сковавшія русское печатное слово, не даютъ также почти никакой возможности выяснитъ разнообразныя стороны нашего сектантскаго движенія на страницахъ легальной прессы. Съ другой стороны, — административныя преслѣдованія сектантовъ, возмутительное отношеніе къ нимъ священства, миссіонеровъ и полиціи, — требуютъ обнародованія всего того, что творится въ этомъ до сихъ поръ слишкомъ мало извѣстной области русской народной жизни. Еще будучи въ Россіи, мы задались цѣлью собранія свѣдѣній о гоненіяхъ на сектантовъ съ намѣреніемъ такъ или иначе предать ихъ гласности. Но большинство собраннаго нами матеріала въ періодъ отъ 1892 — 97 г. было отнято у насъ правительствомъ при обыскѣ въ февралѣ 1897 г. передъ нашимъ изгнаніемъ за границу. Послѣ этого мы, при первой возможности, возобновили прерванныя сношенія съ сектантами, и снова къ намъ стали стекаться письма, записки и сообщенія отъ нихъ съ разныхъ сторонъ.

По мѣрѣ средствъ, мы уже давали въ нашихъ изданіяхъ различныя свѣдѣнія о положеніи сектантовъ въ Россіи.

Въ настоящее время мы рѣшили дѣло оглашенія правды о сектантахъ организовать на прочныхъ, систематическихъ началахъ, для чего мы съ радостью пошли на встрѣчу мысли В. Д. Бончъ-Бруевича, который предложилъ намъ устроить центральный архивъ всѣхъ матеріаловъ, касающихся сектантскаго движенія въ Россіи.

Устройству этого архива уже положено начало: Кромѣ собраннаго нами самими разнообразнаго матеріала по этому вопросу, въ Архивъ уже доставили значительное количество документовъ В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. М. Величина, П. И. Бирюковъ, И. М. Трегубовъ, А. М. Бодянский, Д. А. Хилковъ, Г. Фишеръ и многія другія лица, а также и различныя сектантскія организаціи.

Такимъ образомъ въ Архивѣ уже скопилось около *четыре* тысячъ разнообразныхъ документовъ, касающихся духоборцевъ, шундистовъ, баптистовъ, „нашковцевъ“, субботниковъ, іеговистовъ, свободныхъ рационалистовъ въ народѣ и другихъ религіозныхъ сектъ. Весь этотъ матеріалъ, который въ настоящее время систематизируется и приводится въ тщательный порядокъ В. Д. Бончъ-Бруевичемъ, будетъ

находиться у насъ и бережно сохраняться нами отъ порчи и потери. Наши соотечественники, привыкшіе всегда и всюду опасаться пашествія русской охранной полиціи, могутъ быть увѣрены, что здѣсь, въ Англии, — мы пользуемся полной безопасностью въ этомъ отношеніи.

Мы имѣемъ также намѣреніе выпуститъ въ свѣтъ подробное, систематическое описаніе этого Архива, чтобы дать возможность русскому обществу ознакомиться съ тѣмъ, что уже собрано нами и что вошлетъ о своемъ изданіи.

Всѣ эти матеріалы, состоящіе изъ отдѣльныхъ сочиненій, воспоминаній, автобіографій, философскихъ и религіозныхъ размышленій, писемъ, корреспонденцій, статистическихъ свѣдѣній, различныхъ официальныхъ документовъ — (обвинительныхъ актовъ, секретныхъ циркуляровъ, министерскихъ записокъ и пр.) — мы намѣрены издавать отдѣльными книжками въ общей серіи „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства“.

По настоящее время, изъ этой новой серіи, нами уже издано три выпуска, касающіеся духоборческаго движенія, и три выпуска еще печатаются.

Дальнѣйшее появленіе книгъ этой серіи будетъ вполне зависѣть отъ того сочувствія, которое проявитъ русское общество къ этому столь настоятельно необходимому отдѣлу свободнаго печатнаго слова. Помимо желательности появленія этого матеріала, какъ цѣннаго въ историческомъ отношеніи собранія документовъ, мы горячо надѣемся, что мольбы сектантовъ объ опубликованіи всѣхъ свѣдѣній о томъ, что творятъ съ ними русскія власти — будутъ услышаны въ Россіи и за границей и что нужныя денежные средства на этотъ отдѣлъ придутъ къ намъ, такъ же какъ приходили они въ предыдущіе года на другіе отдѣлы нашего издательства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы просимъ всѣхъ, кто интересуется дѣломъ „Архива“, помочь намъ въ дальнѣйшемъ собраніи матеріаловъ по русскому сектантству и присылать намъ все, что такъ или иначе касается сектантскаго вопроса: газетныя вырѣзки, сообщенія, циркуляры, рукописи и пр. и пр.

Все это нами будетъ тщательнымъ образомъ сохранено и при возможности издано.

Общее завѣдываніе Архивомъ и редактированіе „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства“ — мы предоставили В. Д. Бончъ-Бруевичу. Архивъ хранится у А. К. Чертковой; адресъ: А. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England.

В. и А. Чертковы.

СПИСОКЪ МАТЕРІАЛОВЪ АРХИВА.

Уже вышли въ свѣтъ слѣдующіе выпуски*):

1. Письма духоборческаго руководителя П. В. Веригина (19 печ. лист.). Цѣна 1 руб.
2. Разъясненіе жизни христіанъ (2¹/₂ печ. лист.). Цѣна 40 коп.
3. Разсказъ духоборца Васи Познякова (3 печ. лист.). Цѣна 40 коп.

Печатаются :

4. Духоборцы въ дисциплинарномъ батальонѣ (около 5 печ. лист.)
5. Духоборцы въ тюрьмахъ (около 5 печ. лист.)
6. Преслѣдованіе баптистовъ въ Россіи (около 6 печ. лист.)

Приготавливаются къ печати :

7. Духоборцы въ Сибири (10 печатныхъ листовъ).
8. Духоборцы въ ссылкѣ по кавказскимъ ауламъ (6 печатныхъ листовъ).
9. Положеніе духоборцевъ въ Карской области во время гоненій 1895 — 1898 г.г. (1 печ. листъ).
10. Записки духоборца Григорія Каныгина (1 печатный листъ).
11. Страданія за истинный путь (1 печатный листъ).
12. Воспоминанія духоборцевъ (1 печатный листъ).
13. Герой козацкой плетки. Записки І. Д-съ (1 печатный листъ).
14. Разсказы духоборцевъ (1 печатный листъ).
15. Среди духоборцевъ. Записки Н. И. Дудченко (1 печатный листъ).
16. Копія съ конфиденціального представленія тифлискаго губернатора князя Шершавидзе на имя его высокопревосходительства господина, главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ генераль-адъютанта С. А. Шереметьева, отъ 4 октября 1895 года за № 1000. (6 печатныхъ листовъ.)
17. Духоборцы. Записано И. М. Трегубовымъ со словъ духоборцевъ П. Планидина и И. Пвина (4 печатныхъ листа).
18. Духоборцы на Кипрѣ (5 печатныхъ листовъ).
19. Переселеніе духоборцевъ въ Канаду (10 печатныхъ листовъ.)
20. Избранные псалмы изъ „Животной Книги“ (7 печатныхъ листовъ).

21. Духоборцы въ началѣ XIX столѣтія (записка 1805 г.) (1¹/₂ печ. лист.)
22. Л. Н. Толстой и духоборцы (4 печ. листа).
23. Гоненія на христіанъ съ 1895 г. П. И. Бюрикова. Второе изданіе дополненное.
24. Письма П. В. Ольховика (отказавшагося отъ военной службы). Второе изданіе дополненное (2¹/₂ печат. лист.)
25. Въ дисциплинарномъ батальонѣ. Записки Н. Изюмченко (около 12 печ. лист.).
26. Записки Е. Н. Любича (отказавшагося отъ военной службы) (2 печ. лист.).
27. Записки А. Б. Мокеева (отказавшагося отъ военной службы) (5 печ. лист.)
28. Различныя сочиненія, записки, письма и пр. Тимофея Зайца (5 печ. лист.).
29. Ученіе духовныхъ христіанъ въ изложеніи Д. А. Хилкова (3 печ. лист.)
30. Катехизисъ штундистовъ, изложенный Д. М. Кудрявцевымъ (1 печ. лист.)
31. Разсказъ Ив. Павл. Мирошниченко объ своемъ понятіи противъ русскаго правительства (3 печ. листа.)
32. Автобіографія Ст. Мих. Осадчаго (2 печ. листа).
33. Разсказъ о моей жизни. Емельяна Ещенко (5 печ. лист.)
34. Трудолюбіе или торжество земледѣльца Тит. Мих. Бондарева. Переписка Т. М. Бондарева съ Л. Н. Толстымъ (25 печ. лист.).
35. Записки одного баптиста (25 печ. лист.)
36. Воспоминанія ссыльнаго, В. Павловъ (4 печ. листа).
37. Символика духовныхъ христіанъ (4 печ. листа).
38. Новѣйшее сектанство Абрамова (5 печ. лист.).
39. Обвинительные акты и различныя официальные документы по дѣлу сектантовъ (10 печ. лист.).
40. Прошенія баптистовъ на высочайшее имя и на имя министровъ (5 печ. лист.).
41. „Весѣда“ — литограф. журналъ баптистовъ за нѣсколько лѣтъ (около 40 печ. лист.).
42. Разный матеріалъ, письма, воспоминанія, разсказы и другія рукописи сектантовъ — (всего около 50 печ. лист.).

На каждый печатный листъ, въ 2000 экземпляровъ, необходимо 50 рублей.

Завѣдующій Архивомъ

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

*) Размѣры выпусковъ обозначены въ листахъ. Одинъ печатный листъ равняется 16-ти страницамъ нашихъ изданій.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА „СВОБОДНОЕ СЛОВО“
ПО ПОВОДУ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ЗАПРЕЩЕННЫХЪ ВЪ РОССІИ СОЧИНЕНІЙ
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

Вотъ уже четыре года, что мы издаемъ заграницей, въ ихъ полномъ, неискаженномъ видѣ, всѣ новыя произведенія Льва Николаевича Толстого, по мѣрѣ того, какъ они появляются изъ подъ его пера. Въ настоящее время выпущено нами около сорока его крупныхъ произведеній и мелкихъ статей и писемъ по разнымъ вопросамъ. Но до сихъ поръ, къ сожалѣнію, мы не располагали и не располагаемъ достаточными средствами для изданія *полнаго собранія запрещенныхъ въ Россіи сочиненій Л. Н. Толстого*, въ составъ котораго, между прочимъ, вошли бы какъ первыя *шесть* основныхъ его книгъ по религіознымъ и общественнымъ вопросамъ, написанныя въ періодъ отъ 1879 по 1885 г., такъ и обширный, собранный нами и предоставленный авторомъ въ наше распоряженіе, но до сихъ поръ еще не изданный, матерьялъ, состоящій изъ писемъ къ разнымъ лицамъ, дневниковъ и различныхъ, нигдѣ еще не появлявшихся записей и замѣтокъ. Этотъ матерьялъ, по своему характеру и значенію, представляетъ совсѣмъ исключительный интересъ; и лежать ему подъ спудомъ не подобаетъ въ то время, когда все образованное челоуѣчество съ такимъ напряженіемъ прислушивается къ каждому слову, исходящему отъ Толстого. Крупныя же сочиненія вышеназваннаго періода, хотя и издавались уже неоднократно за границей, но — въ такомъ разрозненномъ, несистематическомъ видѣ, съ такими вопіющими неточностями и искаженіями текста и корректурными ошибками и притомъ по такой высокой цѣнѣ, — что акуратное, систематическое, точное и дешевое изданіе всѣхъ сочиненій Толстого является въ настоящее время насущною потребностью для русскаго читателя.

Потребность эта все больше и больше проявляется не только въ Россіи, но и во всѣхъ культурныхъ странахъ, по мѣрѣ того, какъ сознаніе великаго значенія Толстого для челоуѣчества распространяется среди людей всѣхъ народностей и всякаго положенія. Спѣша на встрѣчу этой общественной потребности, издатели различныхъ странъ, — Англіи, Франціи, Германіи, Италіи и другихъ, — въ настоящую минуту готовятъ на своихъ языкахъ переводы полнаго собранія его сочиненій по точнымъ подлинникамъ, получаемымъ ими отъ насъ для этой цѣли; и мы не можемъ допустить мысли, чтобы, вмѣстѣ съ этимъ, не суждено было появиться, еще при жизни самого Льва Николаевича, полному собранію его запрещенныхъ въ Россіи сочиненій также и на томъ нашемъ родномъ языкѣ, на которомъ они были имъ самимъ написаны.

По понятнымъ причинамъ, Левъ Николаевичъ никогда не станетъ самъ хлопотать объ изданіи своихъ писаній; но онъ всегда бываетъ глубоко тронутъ, когда другіе настолько имъ сочувствуютъ, чтобы содѣйствовать ихъ распространенію среди людей. И намъ кажется, что, съ одной стороны, громадный и самоотверженный трудъ, вложенный имъ въ свои писанія послѣдняго періода, заслуживаетъ признанія со стороны русскаго общества, хотя бы только въ формѣ обезпеченія ихъ изданія; а съ другой — что пора почитателямъ Толстого исполнить, самимъ передъ собой, свою несомнѣнную нравственную обязанность помочь осуществленію заграничнаго русскаго изданія его сочиненій, въ противовѣсъ усиліямъ русскаго правительства преградить ихъ доступъ къ русскимъ людямъ.

Побуждаемые такими мыслями и чувствами, мы и рѣшаемся обратиться къ русскому обществу съ заявленіемъ, что мы приступили, наконецъ, къ началу осуществленія этой завѣтной мечты выпускомъ перваго тома Полнаго Собранія Сочиненій Л. Н. Толстого, запрещенныхъ русскою цензурою; и что, не располагая никакими средствами для дальнѣйшаго осуществленія этой задачи, мы открываемъ сборъ пожертвованій для этой цѣли, разсчитывая, что для успѣшнаго ея осуществленія потребуется отъ десяти до пятнадцати тысячъ рублей.*)

Дѣлая такое заявленіе, мы слагаемъ съ себя тяготившую насъ отвѣтственность по отношенію къ этому дѣлу, дальнѣйшую судьбу котораго мы такимъ образомъ всецѣло предоставляемъ въ руки русскаго общества. Съ своей стороны мы намѣрены приложить всѣ старанія къ тому, чтобы, по мѣрѣ поступленія средствъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ и разсчетливымъ образомъ распорядиться ими и вообще выпускать дальнѣйшіе томы этого изданія со всею тщательностью и точностью, которыя требуютъ важнымъ значеніемъ предпринятаго нами дѣла. Для осуществленія этого мы располагаемъ особенно выгодными условіями, имѣя возможность пользоваться хранящимися у насъ самими вѣрными рукописными подлинниками, и кромѣ того, въ нужныхъ случаяхъ, — обращаться за указаніями непосредственно ко Льву Николаевичу Толстому, съ которымъ мы находимся въ постоянныхъ и самыхъ близкихъ сношеніяхъ.

Издательница *А. Черткова*.

Редакторъ *В. Чертковъ*.

1 января 1902 г., Christchurch, Hants, England.

*) Пожертвованія можно намъ выслать черезъ любой иностранный банкъ въ Россію, или же черезъ живущихъ тамъ нашихъ личныхъ друзей.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ
ЛЪВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

НАПИСАННЫЯ ВЪ ПЕРІОДЪ ОТЪ 1879 — 1902 Г. И ДОЛЖЕНСТВУЮЩІЯ ВОЙТИ ВЪ
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, НЕИЗДАННЫХЪ ВЪ РОССІИ.

Большія произведенія:

1. Вступленіе къ критикѣ догматическаго богословія и изслѣдованію христіанскаго ученія (Исповѣдь).
2. Критика Догматическаго Богословія и „Что такое православная церковь?“
3. Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ Евангелій.
4. Въ чемъ моя вѣра?
5. Такъ что-же намъ дѣлать? (Включая и статьи „О переписи“ и „Деньги“).
6. О жизни.
7. Краткое изложеніе Евангелія.
8. Царство Божіе внутри васъ.
9. Христіанское ученіе.
10. Что такое искусство?
11. Воскресеніе.
12. Рабство нашего времени.
13. Что такое религія?

Статьи и разсказы:

14. Церковь и Государство.
15. Николай Палкинъ.
16. Ученіе Двѣнадцати Апостоловъ.
17. Суратская кофейня.
18. Послѣсловіе къ Крейцеровой Сонатѣ.
19. Объ отношеніи половъ (Діана).
20. Изложеніе къ картинѣ Ге (Послѣдняя бесѣда).
21. О религіи и нравственности.
22. О религіи и разумѣ.
23. Предисловіе къ сочиненію Бондарева: „Трудолюбіе или торжество земледѣльца“.
24. Предисловіе къ сборнику „Цвѣтникъ“.
25. Три сына (притча).
26. Емельянъ и пустой барабанъ.
27. Дорого стоитъ.
28. Календарь для народа.
29. „Стыдно“.
30. О недѣланіи.
31. Какъ читать Евангеліе?
32. Послѣсловіе къ книгѣ „Жизнь Дрожжина“.
33. „ „ къ „Гоненіе на христіанъ“.
34. „ „ къ „Помогите!“

35. Статьи о голодѣ (1891 — 92 г.).
36. Патриотизмъ или мартъ?
37. Христіанство и патриотизмъ.
38. Carthago delenda est.
39. Приближеніе конца.
40. Двѣ войны.
41. Голодъ или не голодъ? (1898 г.).
42. По поводу мирной конференціи въ Гаагѣ.
43. Патриотизмъ и правительство.
44. Не убій!
45. Гдѣ выходъ?
46. Неужели это такъ надо?
47. Единственное средство.
48. Неизданные отрывки, наброски и варианты.

Письма и мысли по разнымъ вопросамъ:

49. Къ Н. Н. (о непротивленіи злу зломъ).
50. Къ американцу Баллу (о томъ же).
51. Къ К (о борьбѣ со зломъ).
52. Къ революціонеру (о борьбѣ со зломъ).
53. О Генри Джорджѣ (2 письма о земельной подати).
54. О физическомъ трудѣ (письмо къ французу).
55. Къ поляку (о націонализмѣ).
56. Къ Шмидту (о государственномъ насиліи).
57. Къ Crosby (о непротивленіи злу зломъ).
58. Либераламъ (объ участіи въ государствѣ).
59. Въ „Daily Chronicle“ (о государствѣ).
60. Требования любви.
61. О религіозномъ обманѣ.
62. О религіозномъ воспитаніи.
63. Къ фельдфебелю.
64. Къ П. В. Веригину (о грамотности и друг. пис.).
65. Къ Х. (объ общинахъ).
66. Два письма къ духоборамъ въ Канаду.
67. Мысли о Богѣ.
68. — „ о смыслѣ жизни.
69. — „ о половомъ вопросѣ.
70. Три письма „О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ“.
71. Отвѣтъ Синоду.
72. Нѣсколько писемъ къ государственнымъ людямъ (къ царямъ, министрамъ и военачальникамъ).
73. Письма къ разнымъ лицамъ (нѣсколько сотъ пис.).
74. Дневники и записныя книжки.

Въ это же изданіе будутъ включены писанія оконченныя за послѣднее время, заглавія которыхъ еще преждевременно упоминать; а также, разумѣется, все, что появится въ будущемъ. В. Ч.